

ЗА КУЛИСАМИ ДИПЛОМАТІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1908.

Андрей Николаевичъ
Жарцовъ.

Русскій Генеральный Консулъ въ Парижѣ.

А. Н. Карцовъ.

(Автобіографическая замѣтка, найденная въ посмертныхъ бумагахъ).

А. Н. Карцовъ родился въ Смоленскомъ имѣніи своей матери 3-го іюля 1835 года. Въ 1856 году вышелъ онъ изъ Императорскаго Александровскаго Лицея 9-мъ классомъ, поступилъ въ Азіатскій Департаментъ и въ началѣ 1858 г. былъ отправленъ секретаремъ ген. консульства въ Бѣлградъ, гдѣ, не безъ опасности для своей жизни, присутствовалъ при революціи, имѣвшей исходомъ низверженіе князя Александра Карагеоргіевича въ пользу князя Милана Обреновича. Пробывъ въ Сербіи около года, онъ вернулся, по растроенному здоровью, въ Азіатскій Департаментъ, гдѣ и пробылъ до назначенія своего въ концѣ 1862 года консуломъ въ Палестину.

Въ Иерусалимѣ Карцовъ не щадилъ ни трудовъ, ни собственныхъ денежныхъ средствъ, чтобы высоко держать русское знамя, и только благодаря дружескимъ своимъ сношеніямъ какъ съ тогдашнимъ представителемъ Франціи, такъ и съ патріархами Греческимъ и Латинскимъ и личному своему на нихъ вліянію, ему удалось склонить враждебные между собою элементы къ соглашенію, которое уже съ 1865 года дало возможность Россіи и Франціи приступить къ перестройкѣ купола Святотробскаго храма совмѣстнымъ иждивеніемъ Императоровъ Александра II и Наполеона III:—такъ было, послѣ крымской войны, сковано первое звено послѣдующихъ франко-русскихъ соглашеній. Высоко оцѣнивъ этотъ дипломатическій успѣхъ Карцова, князь Горчаковъ тогда же подалъ ему надежду быть въ ближайшемъ будущемъ назначеннымъ, по собственному выбору, генеральнымъ консуломъ въ Египетъ или на Іоническіе острова: по домашнимъ соображеніямъ Карцовъ предпочелъ послѣдній постъ.

Во время четырехлѣтняго пребыванія своего въ Палестинѣ, Карцовъ, имѣлъ подъ своимъ надзоромъ сооруженія русскихъ церквей и страннопримныхъ домовъ, какъ въ самомъ Иерусалимѣ, такъ и въ Яфѣ, Рамлѣ, Кайѣ и проч. центрахъ, посѣщаемыхъ русскими паломниками, значительное число которыхъ, насколько ему извѣстно, долго сохраняло добрыя воспоминанія о его гостепріимствѣ; но имущественное его положеніе сильно пострадало отъ этого 4-хъ лѣтняго періода, и Карцовъ съ удовольствіемъ привѣтствовалъ свое назначеніе генеральнымъ консуломъ въ Корфу, гдѣ пробылъ до начала 1875 года.

Въ маѣ этого года былъ онъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ въ Сербію. Многія изъ донесеній его изъ Бѣлграда удостоились самыхъ одобрительныхъ отмѣтокъ Государя, что можетъ засвидѣтельствовать политическій, за то время, архипѣ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Уже съ весны 1876 г. начался притокъ въ Сербію русскихъ добровольцевъ, въ числѣ коихъ было много бредягъ, но и не мало молодыхъ людей изъ порядочныхъ семей, а въ томъ числѣ временно-отпущенныхъ армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ добровольцевъ прибылъ ташкентскій герой генераль Черняевъ, который, принявъ сербское подданство, былъ Миланомъ назначенъ главнокомандующимъ сербскими войсками.

Государь съ особымъ участіемъ слѣдилъ за событіями, готовящимися на Балканскомъ полуостровѣ. На все время вояжа Императора за границу, Карцовъ имѣлъ приказанія адресовать какъ телеграммы, такъ и донесенія свои непосредственно Его Величеству, а въ іюнѣ былъ вызванъ въ Эмслъ для устныхъ объясненій. Тамъ получилъ онъ отъ Государя самый милостивый пріемъ. На одной изъ аудіенцій онъ высказалъ мнѣніе свое, что улучшенія быта балканскихъ христіанъ, при существующемъ повсемѣстномъ въ Россіи сочувствіи въ ихъ пользу, можно достигнуть безъ открытаго разрыва съ Портою.

Черняевъ перешелъ турецкую границу, и всѣмъ извѣстенъ плачевный исходъ этой вопиющей выходки, кончившейся погромомъ подъ Джунисомъ. Телеграмма Карцова въ Ливадію съ слезною мольбою Милана къ Государю остановить походъ турокъ на Бѣлградъ была ея эпилогомъ: послѣдовало перемиріе.

Въ ноябрѣ Карцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, имѣлъ въ Царскомъ Селѣ нѣсколько аудіенцій у Государя и тамъ же, 16-го того же мѣсяца, присутствовать на совѣщаніи, бывшемъ подъ личнымъ Его Величества председательствомъ. Здѣсь Карцовъ вновь громко высказалъ мнѣніе, что желаемой цѣли можно достигнуть безъ оффиціального разрыва съ Портою. Между прочими мѣропріятіями, на совѣщаніи этомъ было рѣшено командированіе въ Бѣлградъ, для военной организаціи Сербіи, комиссіи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Никитина и ассигнованіе милліона рублей на расходъ по этой организаціи, но подъ контролемъ Карцова и специально командированнаго чиновника Министерства Финансовъ Рихтера.

До начала 1877 года, между оффиціальными инструкціями канцлера, нерѣдко несогласными со свѣдѣніями, получаемыми Миланомъ отъ своего оффиціального представителя въ Петербургѣ, между часто противорѣчивыми внушеніями изъ Вѣны и изъ Константинополя, между натисками славянскихъ комитетовъ и безконечно разнообразными требованіями представителей и представительницъ Краснаго Креста, Карцову кое-какъ удавалось удерживаться въ равновѣсіи,—но цѣною сколькихъ бессонныхъ ночей, проводимыхъ за шифрованіемъ депешъ, цѣною разстроенаго здоровья и зрѣнія и, наконецъ, полнымъ и окончательнымъ имущественнымъ разореніемъ.

Къ Рождеству прибылъ въ Бѣлградъ военный комиссаръ ген.-лейтен. Никитинъ, съ 4-мя офицерами генеральнаго штаба, изъ коихъ, съ тѣхъ поръ, двое сдѣлались крупными единицами. Послѣдовали пріемы у князя и въ дипломатическомъ агентствѣ. Но съ первыхъ шаговъ Никитина Карцовъ былъ всецѣло возмущенъ его направленіемъ и образомъ дѣйствій. Съ сербскими интендантами держалъ онъ себя какъ бы подчиненный, чѣмъ послѣдніе пользовались для возможно быстрѣйшаго расхищенія русскаго милліона и, подъ предлогомъ вооруженій, дѣлали на этотъ фондъ

заказы въ Венгріи сѣна, которымъ изобиловала сама Сербія, безсмысленный въ Будапештѣ заказъ восьми тысячъ резиновыхъ галошъ и т. п. Самъ онъ, безъ стыда, выпросилъ себѣ, по случаю Новаго года, сербскую ленту. Обо всемъ этомъ Карцовъ цѣлою серією шифрованныхъ телеграммъ извѣщалъ государственнаго канцлера, и уже съ начала февраля Никитинъ и его комиссія были отозваны, а Рихтеръ увезъ обратно въ Россію около 850 тысячъ рублей, оставшихся отъ милліона. Униженный въ неудачномъ своемъ выборѣ, военный міръ изобличителю своему этого не простилъ. Пошли по Петербургу всякія сплетни и навѣты, имѣвшіе цѣлю дискредитировать Карцова во мнѣніи Государя. Съ другой стороны и Миланъ былъ золъ на него за высылку обратно въ Россію почтенныхъ остатковъ русскаго милліона. Продолжая поддерживать съ нимъ прежнія ежедневныя дружескія сношенія, Миланъ, только что разставшійся тогда съ министерствомъ Ристича, просилъ Карцова не отказать ему въ личной поддержкѣ передъ политическими дѣятелями, изъ которыхъ онъ замыслилъ образовать новое министерство. Считаи людей, намѣченныхъ княземъ, подходящими къ обстоятельствамъ, Карцовъ вполне довѣрчиво отнесся къ этой просьбѣ и уже успѣшно ее исполнилъ, какъ вдругъ получилъ отъ канцлера телеграмму слѣдующаго содержанія: „Empereur Vous défend de Vous mêler de la politique intérieure de la Serbie“.

Выдержать столь неожиданный ударъ Карцовъ почувствовалъ себя безсильнымъ и въ тотъ же день телеграфировалъ шифромъ очень близкому себѣ и канцлеру общему другу, что продолжать оставаться на дипломатическомъ посту, окруженномъ сплетнями и интригами, онъ считаетъ себя неспособнымъ и, какъ милости, просилъ назначенія своего, при первой возможности, генеральнымъ консуломъ въ Парижъ.

Грозное Высочайшее повелѣніе объяснилось тѣмъ, что съ одной стороны, упрашивая Карцова привлечь въ новую министерскую комбинацію такихъ-то, Миланъ одновременно поручалъ своему агенту въ Петербургъ спросить канцлера, дѣйствительно ли Императорское правительство настаиваетъ на томъ, чтобы такіе-то сдѣлались министрами.

Изобличеніе столь грубой подтасовки Милана было не трудно, но не могло бы совершиться безъ крупнаго скандала. Карцовъ былъ для этого слишкомъ истощенъ и физически, и нравственно. Много лѣтъ спустя съ тѣмъ же Миланомъ, уже отставнымъ королемъ, завтракая вдвоемъ въ Café Anglais, Карцовъ вызвалъ своего развѣнчаннаго собесѣдника на откровенное объясненіе по этому плачевному эпизоду. „Eh bien, franchement, mon cher Kartzow, j'en avais assez de Votre joug et de Votre tutelle qui me pesaient par trop et je Vous ai imaginé cette crasse, spéculant sur Votre nervosité qui Vous amènerait à quelque coup de tête“.

Въ маѣ 1877 года Карцовъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Тамъ кипѣло все подготовленіями для нашего съ Турціей войны. Канцлеръ принялъ его столь же ласково, —но уже не какъ триумфатора, а какъ раненаго героя, нуждающагося въ хирургической помощи. „Eh bien, mon cher, il faudra Vous caser quelque part, en attendant des circonstances plus favorables“. Карцовъ повторилъ просьбу о Парижѣ. Князь Горчаковъ формально обѣщалъ ему, что этотъ постъ останется за нимъ, какъ только сдѣлается вакантнымъ, а пока далъ ему разрѣшеніе свободно располагать своимъ временемъ, съ предоставленіемъ ему возможно приличныхъ средствъ къ существованію.

Такъ прошло два года, въ теченіе которыхъ Карцовъ управлялъ 6 мѣ-

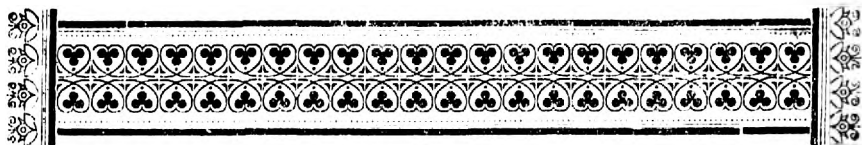
сяцевъ генеральнымъ консульствомъ въ Будапештъ, къ великому негодованію графа Андраши, считавшаго его опаснымъ славянскимъ агитаторомъ. Въ началѣ 1879 года былъ онъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Неаполь, а въ слѣдующемъ году въ Парижѣ, гдѣ въ официальныхъ сферахъ его уже предшествовала молва о прежней его дипломатической дѣятельности, что дало ему въ этихъ сферахъ положеніе совершенно исключительное.

Двадцать три года исполняя эти скромныя обязанности, за послѣднія 6—7 лѣтъ, благодаря примѣненію новаго консульскаго тарифа и отчасти оживленію франко-русскихъ торговыхъ оборотовъ, Карцовъ до того увеличилъ сумму пошлинныхъ сборовъ, что не только покрывалъ ими содержаніе всего личнаго состава генеральнаго консульства, но отъ остатковъ въ два пріема сдалъ болѣе 140.000 франковъ на содержаніе посольства.

А. П. Карцовъ скончался 24 сентября 1906 г.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница: Строка сверху:</i>		<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Г л а в а I.			
8	4	ухомъ	умомъ
—	40	непримѣрныя	непримиримые
Г л а в а II.			
14	7	возвращались	возвращались мы
—	17	съ княземъ	Съ княземъ Бисмаркомъ.
15	19	мѣсто.	мѣста.
17	3	Народности,—съ 1815 года	Народности. Съ 1815 года
18	26	заботились	заботились не
Г л а в а III.			
23	14	конвенціи	канцеляріи,
25	1	sous la main,	sous main,
Г л а в а IV.			
34	35	status quo	нарушенія status quo
Г л а в а VII.			
61	7	око.	ока.
—	19	другую.	другою.
—	33	обозначилась	обозначились
62	24	соглашенія	соглашенія
63	33	bénédiction	bénédictin
65	26	Румынія желѣзнымъ	Румынія. Желѣзнымъ
66	38	Одобряемые	Ободряемые

За кулисами дипломатіи.

ГЛАВА I.

Какъ пришелъ я къ мысли настоящаго очерка.—Характеристики дѣйствующихъ лицъ: Андрей Николаевичъ Карцовъ—дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ.— Императорскій посоль въ Константинополѣ—Николай Павловичъ Игнатьевъ.—Наше посольство въ Вѣнѣ: посоль Евгенийъ Петровичъ Новиковъ и Сергій Спиридоновичъ Татищевъ.—Императрица Марія Александровна и ея приближенные.

Къ мысли написать настоящій очеркъ пришелъ я слѣдующимъ образомъ: въ 1876 г., еще безусымъ юношею, я попалъ въ Сербію въ качествѣ яко бы добровольца. Сначала на бивакѣ Ибарской арміи, затѣмъ проживая у дяди своего А. Н. Карцова, нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, я былъ свидѣтелемъ своеобразной картины тогдашняго движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, познакомился со многими дѣятелями. Начавъ, 25 лѣтъ спустя, писать свои воспоминанія, я обратился къ А. Н. Карцову съ просьбою все, относящееся до этой эпохи, просмотрѣть и провѣрить. А. Н. не только снисходительно исполнилъ мою просьбу, но и передалъ мнѣ хранившіяся у него частныя письма и замѣтки. Хотя матеріалы эти отрывочны и неполны, но и то, что досталось мнѣ въ руки, показалось мнѣ настолько характернымъ и цѣннымъ, что я, не медля, задумалъ: приступить къ отдѣльному очерку, а пробѣлы, насколько возможно, восполнить по воспоминаніямъ дипломатической моей службы и устнымъ преданіямъ. Судить о томъ, удалось ли мнѣ и въ какой мѣрѣ уловить смыслъ событій, я не берусь. Во-первыхъ, въ собственномъ дѣлѣ никто не судья, во-вторыхъ, выясниться это можетъ лишь послѣ того, какъ будутъ открыты архивы и обнародована переписка того времени. Но даже и тогда, относительно многихъ явленій придется довольствоваться догадками: въ такую смутную эпоху, какъ 1875—76 гг., важнѣйшіе переговоры велись путемъ личныхъ свиданій, а потому миновали картоны дипломатическихъ канцелярій.

Начну съ характеристики дѣйствующихъ лицъ и, прежде всего,

А. Н. Карцова, весною 1875 г. къ самой завязкѣ событій назначеннаго въ Бѣлградъ дипломатическимъ агентомъ.

Андрей Николаевичъ Кардовъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи, кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицѣѣ и принадлежалъ къ ХХІ его выпуску. Опредѣлившись на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ нѣкоторое время былъ секретаремъ въ Бѣлградѣ, а затѣмъ консуломъ въ Іерусалимѣ. Наше правительство придавало особенную цѣну отношеніямъ къ императорской Франціи. Поэтому, Іерусалимъ, гдѣ интересы православія и латинства сталкивались, являлся пунктомъ чрезвычайно важнымъ. А. Н. Кардовъ не замедлялъ обратить на себя вниманіе своими изъ ряду выдающимися дипломатическими способностями. Благодаря его такту и энергіи окончено было громкое дѣло о верхнемъ Придѣлѣ Храма, l'affaire de la Courrole, тянувшееся съ отдаленной эпохи первой Имперіи. Состоялось соглашеніе, по которому эта часть храма осталась за греками, съ правомъ для католиковъ ее, съ согласія грековъ, освѣщать во время своихъ католическихъ праздниковъ. Достигъ этого А. Н. Кардовъ, съ одной стороны черезъ свои дружескія отношенія къ патріарху Кириллу, съ другой—систематическимъ спавиваніемъ французскаго консула де-Барбёра. Делегатъ папы монсеньоръ Валерга соглашенія не призналъ и остался при отдѣльномъ мнѣніи.

Въ Іерусалимѣ своими рѣшительными дѣйствіями касательно двухъ, изъ Россіи командированныхъ, духовныхъ лицъ,—А. Н. Кардовъ навлекъ на себя неудовольствіе Государыни Императрицы Маріи Александровны. Хотя канцлеръ князь Горчаковъ и доложилъ, какъ происходило дѣло, но слѣдъ этого неудовольствія едва-ли совсѣмъ изгладился: быть можетъ, тутъ и зародилось нерасположеніе, которое Государыня въ исходѣ сербо-турецкаго столкновенія проявила, и въ столь осязательной формѣ, по отношенію къ А. Н. Кардову.

За свою дѣятельность въ Іерусалимѣ А. Н. Кардовъ получилъ повышение: былъ переведенъ генеральнымъ консуломъ въ Корфу. Онъ оставался тамъ до 1875 г., когда послѣдовало его назначеніе въ Бѣлградъ.

Въ Сербіи А. Н. Кардовъ снова оказался подъ начальствомъ генерала Н. Н. Игнатьева. Помня его по Іерусалиму, Николай Павловичъ надѣялся въ немъ найти помощника дѣятельнаго и болѣе подходящее орудіе для своей политики, нежели какимъ былъ предмѣстникъ А. Н. Карлова, Н. Н. Шишквинъ. Вотъ что по этому поводу писалъ онъ А. Н. Кардову, въ письмѣ отъ 6/18 мая 1875 г.:

„Никто болѣе меня не желалъ отъѣзда вашего предмѣстника и скорѣйшаго назначенія вашего. Тезка мой безспорно умный и талантливый человекъ, но онъ слишкомъ долго засидѣлся въ Бѣлградѣ.

Желчь, тоска и злость на окружающих людей и обстоятельства одолевали его способности мышления. Это плохія основанія для сношеній съ „единокровными и единовѣрными“ братьями славянами...

...Оцѣнивъ давно ваши способности, характеръ и приемы, не сомнѣваюсь, что вы поставите себя на прекрасную ногу со всѣми и поладите, какъ съ княземъ, такъ и со всѣми партіями, до внутреннихъ дрызгъ которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла. Все зависить отъ умѣнья взяться за дѣло и за людей. Вы это доказали въ Иерусалимѣ, и я еще недавно, бесѣдуя съ вашимъ старымъ пріятелемъ Кирилломъ о минувшихъ событіяхъ, выразилъ мысль, что, будь вы два года тому назадъ въ Иерусалимѣ, престарѣлаго патріарха не вытѣснили бы. Кириллъ подтвердилъ это убѣжденіе, сознавшись, что вы не дали бы ни ему, ни намъ сдѣлать глупости, которыя привели къ прискорбной развязкѣ“.

Что касается умѣнья А. Н. Карцова ладить съ иностранными коллегами, Н. П. Игнатьевъ въ письмѣ отъ 23 сентября 1875 года даетъ такой отзывъ:

„...Необходимо вамъ держаться въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ коллегами австрійскимъ (котораго легко вамъ забрать въ руки) и нѣмецкимъ; не мѣшаетъ и всѣхъ другихъ подобрать „галантерейнымъ образомъ“, на что вы издавна „мастеръ“.

Человѣкомъ партіи или опредѣленнаго направленія А. Н. Карцовъ никогда не былъ. Свою честолюбіе онъ единственно ставилъ въ томъ, чтобы высоко держать знамя Россіи и какъ можно точнѣе и лучше выполнять получаемыя инструкціи. Всякой, такъ называемой *politique personnelle*, онъ былъ безусловно чуждъ... Мысль изъ Бѣлграда давать тонъ общей политикѣ Россіи показалась бы ему смѣшною и предосудительною. По сказаннымъ причинамъ, дѣятельность А. Н. Карцова я въ правѣ назвать министерскою „инструкціонною“. Въ этомъ онъ разнился отъ другихъ товарищей—Н. П. Игнатьева, М. А. Хитрово, А. С. Юлина. Тѣ слѣдовали „вѣяніямъ“ и искали себѣ опоры въ сферахъ общественныхъ и придворныхъ.

Въ 1875 г. А. Н. Карцову еще не исполнилось 40 лѣтъ. Семья его состояла изъ жены и троихъ дѣтей. Женатъ онъ былъ на левантинкѣ дѣвицѣ Порталисъ, дочери ливанскаго шелкозаводчика.

Какъ хозяинъ, А. Н. Карцовъ отличался хлѣбосольствомъ. Характера живого и общительнаго, веселый и остроумный собесѣдникъ, онъ привлекалъ къ себѣ и вліялъ на окружающихъ. Французскимъ языкомъ, на которомъ тогда велась дипломатическая переписка, онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Донесенія его, писанныя легкимъ, полнымъ юмора стилемъ, пользовались въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ и читались на расхватъ.

Тогда во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ государственный канцлеръ, князь А. М. Горчаковъ. Какъ политическій дѣятель, онъ былъ на зенитѣ своей славы. Несомнѣнно, князь Александръ Михайловичъ былъ человѣкъ высокоталантливый, огромнаго политическаго опыта. Но годы его были преклонные. Физическія его силы, а съ ними и духовныя, съ каждымъ днемъ ему измѣняли. Голова оставалась свѣжею, но бороться со старческими наклонностями ослабѣвшая воля была не въ состояніи. Эгоизмъ, магія величія, страсть къ рекламѣ, скарденность, похотливость,—эти черты были всегда присущи натурѣ князя. Теперь, болѣе несдерживаемыя нравственною уздою, онѣ имъ завладѣли и затемнили прирожденную ему ясность взгляда. По отношенію къ подчиненнымъ его безцеремонность переходила въ цинизмъ и достигала неприличія и безстыдства. Объ амурахъ престарѣлаго канцлера по городу ходили скабрзные рассказы. Проведя всю жизнь въ придворныхъ сферахъ, князь А. М. былъ придворнымъ весьма искуснымъ. Благодаря остроумной приправѣ, анекдоты и *bons mots* стараго князя сходили ему съ рукъ и даже въ чопорномъ кругу Императрицы Маріи Александровны принимались благосклонно.

Могъ ли такой, себя пережившій и распустившійся человѣкъ оказаться на высотѣ тѣхъ историческихъ событій, которыя, подобно грозовой тучѣ, надвигались на Россію? Занятый, исключительно, самимъ собою, въ дѣлахъ внѣшней политики, князь А. М. видѣлъ только рамку, выпукло выдѣлявшую собственную его личность. Князи Бисмарка онъ считалъ своимъ ученикомъ и не прощалъ ему, что тотъ его превзошелъ. Изъ подчиненныхъ дѣлъмомъ на глазу у него былъ Н. П. Игнатьевъ. Всякій разъ какъ Н. П. Игнатьевъ изъ Константинополя прѣзикалъ въ Петербургъ, князь А. М. съ раздраженіемъ ставилъ ему вопросъ: *Vous venez me prendre mon portefeuille?*

Въ продолженіе дѣлныхъ 12-ти лѣтъ (1864—1876 гг.) дѣлами посольства нашего въ Константинополь завѣдывалъ генералъ Николай Павловичъ Игнатьевъ. Турецкимъ Востокомъ канцлеръ А. М. Горчаковъ интересовался мало; поэтому, въ дѣйствіяхъ своихъ Н. П. Игнатьевъ былъ почти полнымъ хозяиномъ. На всѣхъ событіяхъ того времени отпечатлѣлась его личность яркая и могучая. Политической дѣятельности онъ предавался съ увлеченіемъ, еще въ полномъ цвѣтѣ молодости, безбрежныхъ упованій и неограниченнаго честолюбія. На всякомъ мѣстѣ Н. П. Игнатьевъ явился бы выдающимся дѣятелемъ,—въ Константинополь, гдѣ каждый человѣкъ на счету, онъ скоро пріобрѣлъ преобладающее значеніе. Его называли *le vice-Sultan*; да онъ и былъ имъ на самомъ дѣлѣ: турецкіе министры его боялись и были у него въ рукахъ.

Главною и неизмѣнною цѣлью Игнатъевской политики было разрушеніе Турецкой имперіи и замѣна ея христіанскими, предпочтительно славянскими народностями. Идеологическая окраска нашей политики отличалась послѣ эманципаціи охватившему Россію либеральному настроенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совпадала съ *politique des nationalités* Наполеоновской Франціи.

Умозрительнымъ политикомъ Н. П. Игнатъевъ не былъ: съ принципами и отвлеченностями онъ обращался довольно безцеремонно. Политическому міросозерцанію его недоставало глубины, историческаго черпозема. Однажды, по поводу болгарскихъ церковныхъ дѣлъ, совѣтникъ А. И. Нелидовъ замѣтилъ, что православіе Россія восприняла отъ Византіи. „Совѣтъ не отъ Византіи, возразилъ Н. П. Игнатъевъ, а отъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія“.

Въ Константинополѣ Н. П. Игнатъевъ былъ въ упоеніи собственнаго политическаго значенія. Событія его окружали такимъ ореоломъ, что онъ становился какъ бы вождемъ всего славинства. Съ 1875 г., а тѣмъ болѣе послѣ убіенія султана Абдуль-Азиса, вліяніе Н. П. Игнатъева въ Константинополѣ пошло на убыль. Очень понятно, когда возгорѣлась война Сербія съ Турціею, онъ, по его выраженію, „всею душою былъ въ Сербско-Черногорскомъ лагерѣ“. Только вышшія неудачи могли заставить Турцію пойти съ повинною и дать Н. П. Игнатъеву реваншъ за пораженіе, которое онъ понесъ на той самой Константинопольской почвѣ, которую онъ изучилъ вдоль и поперекъ и на которой онъ, въ самомъ дѣлѣ, господствовалъ.

По манерѣ дѣятельности и дипломатическимъ пріемамъ Н. П. Игнатъевъ былъ *homme d'action et d'expedients*. Онъ любилъ прибѣгать къ фортелямъ и въ затрудненіяхъ находилъ новые выходы. Подчиненнымъ рѣдко удавалось сообщить ему новость, которую бы онъ не зналъ раньше. Съ наступленіемъ темноты, къ нему пробирались проходимцы, политическіе интриганы или попросту шпіоны.

Н. П. Игнатъевъ былъ того мнѣнія, что Н. П. Шишкинъ засидѣлся въ Бѣлградѣ. Такой же упрекъ, и еще съ ббльшимъ основаніемъ, можно бы сдѣлать ему самому. Окруженный льстивыми „братушками“ и заискивающими аферистами „русско-подданными“, Н. П. Игнатъевъ,—импульсивный по натурѣ, страсти своей къ преувеличенію все болѣе давалъ волю. Члены русской колоніи, армяне и греки, доставляли Н. П. Игнатъеву политическія свѣдѣнія, а онъ, въ отплату, ихъ административнымъ и судебнымъ дѣламъ оказывалъ защиту. Бывали случаи, когда по соображеніямъ политическимъ, иногда по добротѣ душевной или изъ желанія пропавить свое всемо-

гущество, оны это покровительство простирали слишком далеко. Въ Петербургѣ противъ Игнатьева дѣйствовала цѣлая клика. Главнымъ ея руководителемъ являлся ближайшій помощникъ князя М. А. Горчакова, директоръ Азіатскаго департамента, П. Н. Стремоуховъ. Бывшій тогда въ Константинополѣ генеральнымъ консуломъ, М. А. Хитрово, какъ на зло, съ Игнатьевымъ повздорилъ. Съ легкой руки М. А. Хитрово, про отношенія Н. П. Игнатьева къ „дѣльцамъ“ русской колоніи въ корридорахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и петербургскихъ гостиницъ пошли ходить слухи.

Совершенно иного типа и склада былъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, Евгений Петровичъ Новиковъ.

Е. П. Новиковъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ и удостоился званія магистра славянскихъ нарѣчій. Его диссертация объ Іоаннѣ Русѣ такъ понравилась митрополиту Филарету, что владыко сказалъ: „Если бы былъ духовнымъ, я бы васъ сдѣлалъ епископомъ“. Поступивъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, Е. П. Новиковъ научные приемы работы сохранилъ и на дипломатической службѣ. Каждый вопросъ оны обдумывалъ и разбиралъ принципиально, исторически, до мельчайшихъ подробностей, до переутомленія. Пунктуаленъ оны былъ до педантичности. Какъ-то разъ въ депешѣ оны, вмѣсто *haut du pavé*, поставилъ *haut bout du pavé*. Это такъ его огорчило, что оны едва не телеграфировалъ на станцію Граница, чтобы вернуть курьера. Въ 1870 году, во время пребыванія Тьера въ Вѣнѣ, Е. П. Новиковъ, передавая ему сообщеніе нашего правительства, забылъ одну подробность, самую ничтожную. На слѣдующій день, рано по-утру, Тьеръ уѣзжалъ изъ Вѣны. Новиковъ явился къ нему въ гостиницу въ шесть часовъ утра. Такая совѣстливость поразила Тьера: „jeunes gens, обратился оны къ секретарямъ, pour préciser un point l'ambassadeur de Russie s'est levé de grand matin. Si tous nous avions été aussi scrupuleux dans le travail, peut-être les malheurs de notre patrie ne seraient pas arrivés“.

Что касается дипломатическаго искусства, Е. П. Новиковъ, разумѣется, не могъ равняться Н. П. Игнатьеву. Ни самообладанія, ни умѣнія обходиться съ людьми у него не было. Впечатлѣніе, которое оны производилъ на постороннихъ, было или отталкивающее, когда оны принималъ холодно-вѣжливый тонъ, или комическое, когда оны начиналъ горячиться и кричать. Начальственнаго неодобренія оны боялся до смѣшнаго: разъ навсегда было приказано подавать ему телеграммы уже расшифрованными, такъ какъ въ ожиданіи расшифровки оны чуть не заболѣвалъ отъ волненія. Не всегда различалъ оны важное отъ второстепеннаго и отъ пустяка приходилъ въ отчаяніе. Подъ гнетомъ неотвизныхъ мыслей и въ состояніи ки-

пѣнія, онъ испытывалъ потребность въ собесѣдникѣ и легко поддавался подъ вліяніе.

Зато въ главныхъ политическихъ вопросахъ, когда путемъ усидчиваго труда онъ выработалъ себѣ убѣжденіе, сбить его уже было невозможно. Сильнымъ онъ себя чувствовалъ въ своемъ кабинетѣ, за рабочимъ столомъ. Тутъ каждое положеніе онъ готовъ былъ подтвердить цѣлымъ арсеналомъ ссылокъ и доводовъ. Вначалѣ карьеры, будучи секретаремъ, а потомъ совѣтникомъ посольства въ Константинополѣ, онъ, какъ истый питомецъ Московской alma mater, заплатилъ дань увлеченію славянами. Ближайшее съ ними знакомство, особенно съ болгарами, произвело въ его взглядахъ рѣшительную перемѣну. Бесѣды съ болгарскими народными „дѣйцами“, докторомъ Чомаковымъ, Крестовичемъ и др., привели Новикова къ заключенію, что болгарамъ до Православія и славянской солидарности рѣшительно никакого нѣтъ дѣла: все ихъ стремленія сводится къ національному партикуляризму и грубо эгоистичны. Е. П. Новиковъ не любилъ, чтобы ему напоминали, что и онъ нѣкогда увлекался славянами. „Ne me rappelez pas mes erreurs de jeunesse“, восклицалъ онъ и нервно кружилъ по комнатѣ.

Въ нашемъ Вѣнскомъ посольствѣ, до прихода Е. П. Новикова, славянофильскія традиціи преобладали. Мѣсто посольскаго священника занималъ протоіерей Раевскій, служившій посредникомъ между петербургскими кружками и австрійскими славянами. Въ Вѣну Е. П. Новиковъ прибылъ съ твердо установленнымъ, отрицательнымъ взглядомъ на славянскій вопросъ. Сближеніе между Россією и Австро-Венгрією онъ считалъ дѣломъ первостепенной государственной важности. Съ одной стороны, оно казалось ему необходимымъ какъ противовѣсъ военному преобладанію Германіи, а съ другой, какъ залогъ полюбовнаго разрѣшенія затрудненій на Балканскомъ полуостровѣ, возникновенія которыхъ слѣдовало ожидать каждую минуту. Своимъ откровеннымъ, коррективнымъ образомъ дѣйствій Е. П. Новиковъ очень скоро пріобрѣталъ довѣріе и расположеніе австрійскихъ правительственныхъ сферъ. Однажды, въ Пештѣ въ казино графъ Андраши сказалъ ему, намекая на Германію: „Quand deux marchent d'accord le troisième doit les suivre, mais separons nous: le Consul général d'Allemagne Weckergotter nous devore des yeux“.

Прочіе члены нашего посольства въ Вѣнѣ были: совѣтникъ Васильчиковъ, значеніемъ онъ не пользовался, страдалъ душевнымъ расстройствомъ, перешедшимъ въ острое помѣшательство, затѣмъ А. Н. Татищевъ — довольно бездѣятный. Всѣхъ затмевалъ другой Татищевъ — Сергѣй Спирidonовичъ.

Въ описываемое время, С. С. Татищевъ находился въ самомъ

разгарѣ безшабашной молодости. Ростомъ онъ былъ выше средняго, черты лица у него были правильныя и красивыя, тѣмбръ голоса чрезвычайно пріятный, глаза немного прищурены. Своими благами природа щедро его надѣлила. Быстрымъ ухомъ схватывалъ онъ предметы и тотчасъ въ выраженіяхъ изящныхъ и мѣткихъ опредѣлялъ ихъ сущность. Изъ всего тогдашняго поколѣнія дипломатовъ Сергѣй Татищевъ былъ несомнѣнно способнѣйшій. Къ сожалѣнію, проявленію блестящихъ его дарованій его страсти и порочныя наклонности служили помѣхою. Не одиѣ женщины обивали съ пути Татищева; что гораздо хуже, онъ былъ игрокъ и расточитель.

Въ качествѣ Wunderkind'a, домашніе Татищева непомѣрно его избаловали. Въ результатѣ, у него развилось „я“, посторонняго соперничества не выносившее. Ему, какъ феномену, міръ долженъ былъ поклоняться и имъ любоваться. Обаятельностью натуры онъ привлекалъ людей, но цинизмомъ обращенія и систематическимъ отдавливаніемъ ногъ онъ неизмѣнно кончалъ тѣмъ, что всѣхъ оскорблялъ и отъ себя отталкивалъ. Посломъ Е. П. Новиковымъ онъ завладѣлъ совершенно, но другіе сослуживцы подчиниться не захотѣли и съ нимъ вступили въ беспощадную борьбу. .

Никакого состоянія у Татищева не было, это, однако, не препятствовало ему блистать въ свѣтѣ и проигрывать въ Jockey Club'ѣ огромныя деньги. У царицы моды княгини Полины Меттернихъ онъ пользовался большимъ успѣхомъ. Съ графомъ Андраши онъ проводилъ вечера въ Carl Theater'ѣ. На такую широкую жизнь откуда брался у Татищева деньги? Сложилась легенда, будто бы Татищевъ торговалъ секретами посольства и продалъ австрійскому правительству шифръ. Е. П. Новикова легенда эта приводила въ негодованіе, при чемъ онъ высказывалъ слѣдующее: „Если бы Татищевъ что-нибудь продалъ, болѣе всѣхъ виноваты были бы я, ибо не догадѣлъ. Но дѣло въ томъ, что продавать было нечего: не австрійцы отъ насъ искали, а съ постоянными требованіями обращались къ намъ мы“. Въ свое оправданіе Татищевъ составилъ обширный мемуаръ. По его увѣренію, онъ игралъ въ компаніи съ греческимъ посланникомъ княземъ Ипсиланти и съ нимъ заодно занималъ деньги у ростовщиковъ. Въ концѣ концовъ, Ипсиланти, *cet ami des gens*, уплатилъ за него 100.000 гульденовъ.

Вѣнская исторія, какъ и многіе аналогичные факты жизни Татищева, и доселѣ осталась невыясненною. Въ необыкновенномъ этомъ человѣкѣ страннымъ образомъ и въ цѣльномъ видѣ совмѣщались контрасты явно непримѣримые: добро и зло, грязь и золото. Несомнѣнно, горячо любилъ онъ Россію. При первомъ выстрѣлѣ за Дунаемъ, онъ поспѣшилъ стать въ ряды дѣйствующей арміи. До

последней минуты талантливое перо его было посвящено служенію національной идеѣ. И, тѣмъ не менѣе, въ потомствѣ Татищевъ не займетъ мѣста равнаго славнымъ народнымъ дѣателямъ: Хомякову, Самарину, Каткову и Аксакову. Проповѣди его, холодной и разсчитливой, недоставало качества наиболѣе существеннаго: искренности. Онъ писалъ о прошломъ, а мысль его витала въ настоящемъ. Воздвигая на пьедесталъ Императора Николая I, онъ передъ глазами имѣлъ одну цѣль: попасть въ милость къ Императору Александру III. Когда по этому поводу ему дѣлали замѣчаніе—„Que voulez Vous? je suis un homme politique réfugié dans l'histoire“,—спокойно отвѣчалъ Татищевъ. Императоръ Александръ III прекрасно понималъ, куда гнетъ Татищевъ, и на его заигрыванія не поддавался. Однажды, Гирсъ пришелъ къ царю съ жалобой на Татищева. „Отчего хотите вы меня лишить интереснаго чтенія?“ остановилъ его Государь. „Онъ мнѣ очень мило подкуриваетъ“.

Затѣмъ С. С. Татищевъ въ различныхъ политическихъ неговіаціяхъ принималъ участіе, большею частью, негласно, но всегда дѣятельное. Онъ поработалъ на изприщѣ франко-русскаго союза, между правительствами Россіи и Болгаріи служилъ посредникомъ, наконецъ, въ Лондонѣ, по порученію С. Ю. Витте, выступилъ провозвѣстникомъ англо-русской дружбы. Какъ ни успѣшны и плодотворны были эти дѣйствія, чувствовалось: тутъ не все ладно, открывались пробѣлы, которые, подлежить сомнѣнію, чтобы позднѣйшему изслѣдованію удалось заполнить. Влестящій публицистъ и политикъ съ одной стороны, къ себѣ безжалостный прожигатель жизни съ другой—С. С. Татищевъ двойственности духовнаго своего склада до конца оставался вѣренъ. Какъ въ юные годы, такъ и на склонѣ дней, въ деньгахъ онъ испытывалъ острую нужду и вѣчно былъ за ними въ погонѣ. Деньги его искушали, деньги являлись большимъ мѣстомъ всей его дѣятельности общественной и служебной.

Императрица Марія Александровна была, хоть и нѣсколько маскированнымъ, но вліятельнымъ факторомъ тогдашняго политическаго положенія. Женищина высокаго нравственнаго строя, она была глубоко проникнута сознаниемъ царственныхъ своихъ обязанностей. Нѣмецкая принцесса по рожденію, она на русскомъ престолѣ стала русскою и истинно православною. Свое пониманіе Россіи и ея политическихъ цѣлей Государыня заимствовала изъ того своеобразнаго Символа, который въ увлекательной формѣ выраженъ въ поэтическихъ произведеніяхъ А. С. Хомякова и О. И. Тютчева. Въ этомъ же направленіи воспитала она и сына своего цесаревича Александра Александровича и приставила къ нему человека совершенно московскаго духа: К. П. Побѣдоносцева.

По возвышенному представленію славянофильской школы, освобожденіе единовѣрныхъ славянъ есть историческое призваніе Россіи, дѣло любви, а не своекорыстнаго расчета. Императрица Марія Александровна безспорно была женщина большого ума, но государственный горизонтъ ея имѣлъ свои особенности, въ противоположность Екатеринѣ II, этой великой реалисткѣ на тронѣ. Екатерина II имѣла опредѣленные политическіе виды, *son idée de derrière la tête*, и не соглашалась подчинить интересы Россіи легитимистскимъ требованіямъ эпохи. Принципы славянофильскаго ученія Императрица Марія Александровна принимала за наличную монету, она имъ вѣрила слѣпо и старалась примѣнить ихъ къ вопросамъ текущей политики. Чтобы какіе-нибудь Ангальтъ-Цербтскіе родственники да позволили себѣ въ политику Россіи вмѣшиваться, развѣ это было бы мыслимо при Екатеринѣ II? Въ царствованіе Александра II иностранному вліянію двора широко распахнулись. Тетка Императора, высококультурная великая княгиня Елена Павловна открыто заявляла себя нѣмкою, объединенію Германіи горячо сочувствовала и съ прусскими правительственными сферами находилась въ прямыхъ сношеніяхъ. Братъ Императрицы, принцъ Александръ Гессенскій отъ другихъ государей къ нашему двору бралъ на себя порученія свойства политическаго и довѣрительнаго. Сыну его, нѣжно ею любимому племяннику, молодому, Александру Баттенбергскому Императрица Марія Александровна могла сдѣлаться первымъ княземъ Болгаріи.

Приближенные Императрицы Маріи Александровны раздѣляли ея убѣжденія. Изъ нихъ личностью наиболѣе выдающеюся была Антонина Дмитріевна Блудова ¹⁾. Для лицъ причастныхъ православному востоку ея салонъ былъ всегда гостепріимно открытъ. Затѣмъ, поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ и его три дочери: извѣстная своимъ умомъ Екатерина Ѳедоровна, Анна Ѳедоровна, воспитательница великой княгини Маріи Александровны и, наконецъ, Дарья Ѳедоровна. Назову еще графиню Тизенгаузенъ, графиню Протасову, госпожу Мальцеву и баронессу Нину Карловну Пилларъ.

¹⁾ Про графиню А. Д. Блудову князь А. М. Горчаковъ говаривалъ: „*Celle là ne restera pas tranquille jusqu'à ce qu'elle n'ait le C., bien assis sur le croissant de la Sainte Sophie*“. Въ дамскомъ обществѣ это смягчалось: *jusqu'à qu'elle soit assise à califourchon* и пр.

ГЛАВА II.

Maintenant la paix est assurée.—Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ —Депеша-программа генерала Н. П. Игнатьева. — Миссія принца Александра Гессенскаго.—Обѣщаніе Императора Александра II Императору Францу Іосифу — не совершать безъ вѣдома Австріи никакихъ дѣйствій панславистическаго характера.—Неодобреніе Государемъ Игнатьевской программы.—Соглашеніе съ Австро-Венгріею. — Разборъ этого соглашения. — Почему соглашеніе это должно оставаться тайною.—Положеніе Н. П. Игнатьева поколеблено.—Междоусобица въ мн. нн. дѣлѣ.—Пріѣздъ А. Н. Карцова въ Петербургъ.— *Quel est notre programme?*—Духъ времени.

1875 г., 10-го апрѣля, т. е. въ концѣ нашего марта, князь Горчаковъ, прибывъ въ Берлинъ, извѣстилъ циркулярно по телеграфу нашихъ представителей за границу, что вслѣдствіе происходившихъ между правительствами нашимъ и германскимъ переговоровъ „миръ въ Европѣ обезпеченъ“. *Maintenant la paix est assurée.* Хотя и не въ томъ смыслѣ, какой ей придавалъ ея авторъ, многозначительная фраза эта получила историческое значеніе. Князю Бисмарку представился грозный призракъ коалиціи *le cauchemar des coalitions*. Тогда противъ Германіи къ Франціи и Россіи, вѣроятно, присоединилась бы и Австрія. Страшно раздосадованный, онъ осыпалъ князя Горчакова сарказмами и упреками: попытку стараго канцлера возбудить во французахъ сомнѣніе въ германскомъ миролюбіи, а себя выставить миротворцемъ, князь Бисмаркъ назвалъ поступкомъ недружественнымъ и несовмѣстнымъ съ довѣріемъ и узами, традиціонно связующими обѣ имперіи.

Прошло около трехъ мѣсяцевъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ возгорѣлось возстаніе. Вниманіе Россіи, остановившееся было на Рейнѣ, теперь передвинулось къ берегамъ Дуная. По отношенію къ Бисмарковскимъ опасеніямъ, событія на Востокѣ являлись какъ нельзя болѣе кстати. Отсюда подозрѣніе: не было ли самое возстаніе дѣ-

ломъ рукъ Бисмарка? Дѣятельностью революціоннаго общества „О младина“ почва была уже готова, не хватало, главнымъ образомъ, денегъ. По свѣдѣніямъ Е. П. Новикова, денежные субсидіи доставлялись инсургентамъ изъ таинственнаго источника черезъ Прагу.

Н. П. Шишкинъ, предмѣстникъ А. Н. Карцова въ Бѣлградѣ, видѣлъ въ „О младинѣ“ общество чисто революціонное. Въ Константинопольскомъ посольствѣ смотрѣли на вещи далеко не такъ строго. Секретарь князь Цертелевъ, только что переведенный изъ Бѣлграда, подавалъ записку, въ которой старался доказать, что „О младина“ преслѣдуетъ дѣли, отнюдь не революціонныя, а національныя и патріотическія. Въ приложеніяхъ мы находимъ категорическое заявленіе князя Милана, повидимому, въ отвѣтъ на представленіе нашего правительства. Князь Миланъ объявляетъ, что его министры ставятъ ему требованія революціонныя и воинственныя, но что онъ ни за что не подчинится и скорѣе смѣнитъ кабинетъ или же откажется отъ престола. Тутъ не мѣшаетъ припомнить: все дѣтство князя Милана протекло подъ страшнымъ впечатлѣніемъ убійства его дяди, князя Михаила. Въ Бѣлградѣ онъ былъ на передовомъ посту и чувствовалъ себя подъ первымъ ударомъ.

На событія, подобно грозовой тучѣ со всѣхъ сторонъ надвигавшіяся, нашъ посоль въ Константинополь, генералъ Н. П. Игнатьевъ отозвался обширною депешей-программою. Депеши этой, къ сожалѣнію, въ подлинникъ я не читалъ, но содержаніе ея слышалъ отъ самого автора. Свое изложеніе Н. П. Игнатьевъ начиналъ съ обстоятельнаго историческаго очерка. Примѣры исторіи доказываютъ, что всякій разъ, какъ на турецкомъ Востокѣ Россія дѣйствовала заодно съ Австро-Венгрією и Германією, она обманывалась, и усилія, ею затраченныя, пропали даромъ. Поэтому, Н. П. Игнатьевъ полагалъ: Россіи слѣдуетъ ни съ кѣмъ не стовариваться и сохранить себѣ свободу дѣйствія. Значеніе настоящей минуты султанъ Абдуль-Азизъ сознаетъ вполне и, чтобы потушить огонь и прекратить смуту, онъ готовъ на необходимыя жертвы. Уступить полосу территоріи непосредственно Черногоріи онъ не считаетъ удобнымъ, но предлагаетъ этотъ участокъ передать Государю Императору, который уже отъ себя его переуступитъ князю Николаю.

Съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ Россіи, ея потребности въ сохраненіи мира и пр., политическая программа Н. П. Игнатьева представляла преимущества весьма важныя. Въ конфликтъ съ Англією она насъ не вводила и съ Германією и Австро-Венгрією въ обязательныя отношенія не впутывала. Между Турцією и ея возставшими подданными Россія принимала на себя роль благожела-

тельнаго посредника, и не болѣе. Другое дѣло, отдачею участка земли Черногоріи достигъ ли бы султанъ прекращенія кризиса и успокоенія. Но не спасеніе пѣлости Турецкой имперіи имѣлъ въ виду нашъ посолъ въ Константинополь. Главною его мыслью было, чтобы крушеніе Оттоманскаго могущества произошло не сразу, а постепенно и, такимъ образомъ, Россія не была бы поставлена въ необходимость вмѣшаться и проливать кровь.

Къ сожалѣнію, почва въ Петербургѣ оказалась предвосхищеною. Туда отъ Императора австрійскаго съ довѣрительною миссіею прибылъ братъ Императрицы Маріи Александровны, принцъ Александръ Гессенскій. „L'Empereur François Joseph“, объявилъ онъ Государю Императору, „est à l'entière dévotion de Votre Majesté“. Въ свою очередь, Императоръ Александръ II связалъ себя словомъ: безъ вѣдома австрійскаго Императора, на турецкомъ Востокѣ, какихъ-либо дѣйствій панславистическаго характера онъ не предприметъ.

Въ депешѣ-программѣ генерала Н. П. Игнатьева канцлеръ князь Горчаковъ увидѣлъ диссертацию на званіе министра иностранных дѣлъ. Искуснымъ придворнымъ былъ онъ недаромъ. Между личными наклонностями Императора Александра II и славянофильскими стремленіями кружка Императрицы Маріи Александровны принцъ Александръ Гессенскій, по родственному своему положенію, служилъ соединительнымъ звеномъ. Чувство недоброй памяти, которое съ 1855 г. старый канцлеръ таилъ противъ Австріи, теперь, подъ вліяніемъ зависти къ князю Бисмарку съ одной стороны и соперничества съ генераломъ Н. П. Игнатьевымъ съ другой, — у него поостыло. Очень понятно, князь Горчаковъ вѣсы въ пользу Австріи постарался перетянуть, а политическіе взгляды Н. П. Игнатьева дискредитировать и провалить.

Императоръ Александръ II поля Игнатьевской депеши покрылъ отмѣтками, въ которыхъ, вмѣсто обычныхъ похвалъ и поощреній, выражалось неодобреніе и сквозило раздраженіе. Противъ мѣста, гдѣ Игнатьевъ распространялся о преданности султана Абдуль-Азиса, Государь помѣтилъ: „Je n'ai que faire de son amitié“. Слышалъ, но не ручаюсь за достовѣрность, даже была отмѣтка значенія для Игнатьева оскорбительнаго: „Ce n'est pas ainsi que j'entend l'honneur“.

Путь въ Константинополь — черезъ Вѣну. Въ предвидѣніи будущихъ войнъ съ Турціей, маститый фельдмаршалъ князь Паскевичъ формулу эту оставилъ потомкамъ въ назиданіе. Посредствомъ дружбы съ Австро-Венгріей русской арміи на Балканскій полуостровъ раскрывался свободный доступъ. Отсюда, въ основѣ Горчаковской по-

литики соглашенія съ Австрією подразумѣвалась возможность военного исхода. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, программа Н. П. Игнатьева опиралась на способы воздѣйствія мирнаго, преимущественно дипломатическаго характера.

По мысли князя Горчакова, переговоры съ Австро-Венгрією надлежало вести непосредственно и, что особенно важно, не посвящая Германію въ тайну. Снова возвращались къ политическимъ преданіямъ Маріи Терезіи и ея сына Императора Іосифа II. Но тогдашняя Пруссія была маленькимъ королевствомъ. Современная Германія представляетъ первоклассную военную державу. Ея внѣшними дѣлами завѣдывалъ государственный человѣкъ, обнаружившій свою гениальность въ дѣломъ рядѣ громкихъ усилій. Съ доминирующимъ положеніемъ Германіи, преодолевая чувства личнаго антагонизма, считалась наша дипломатія была обязана. Если князь Горчаковъ хотѣлъ начать политику въ большомъ стилѣ,—онъ долженъ былъ генерала Н. П. Игнатьева изъ Константинополя перевести въ Берлинъ, чтобы, такъ или иначе, съ княземъ столкнуться *à fond*. Посредничество между нами и Англією, которое ему предлагалъ князь Бисмаркъ, онъ отвергъ категорически. Старый канцлеръ тѣшилъ себя надеждою, что ему удастся князя Бисмарка обойти и за его спиною восточный вопросъ оборудовать по своей волѣ. Средствомъ для этого, по его мнѣнію, являлась съ Австро-Венгрією *entente à deux*. Въмѣсто Игнатьевской выжидательной программы, которая, въ общихъ чертахъ, и была политикою европейскаго концерта, отнынѣ съ Австро-Венгрією мы себя изолировали, съ морскими державами,—Англією, Францією, Италією,—порывали, а относительно Германіи ничѣмъ себя не обезпечивали. Стоило въ нашемъ соглашеніи съ Австро-Венгрією образоваться малѣйшей трещинѣ,—и Россія, при сомнительномъ нейтралитетѣ Германіи, передъ тѣсно сплоченнымъ синклитомъ прочихъ державъ, оказывалась въ полномъ одиночествѣ.

Что же Австро-Венгрія? Послѣ торжественныхъ завѣреній преданности Императора Франца-Іосифа русскому Государю, изъяснила ли она готовность Россіи содѣйствовать и въ счастіи и несчастіи раздѣлить ея судьбу? Ничуть не бывало. Она только разрѣшала русской арміи углубиться въ стратегическій мѣшокъ, ими которому—Балканскій полуостровъ, и обѣщала помогать намъ дипломатически. Съ Англією и Германією она не ссорилась, а, наоборотъ, до конца событій съ этими державами поддерживала отношенія наилучшія. О всемъ томъ, что между Вѣною и Петербургомъ происходило, князь Бисмаркъ былъ освѣдомленъ обстоятельно, но, до поры до времени, онъ вмѣшиваться не желалъ и дѣлалъ видъ, что ничего

не знаетъ. Прямой помощи Россіи не оказывая, Австро-Венгрія, тѣмъ не менѣе, оставила за собою право, когда сочтетъ нужнымъ, перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Тягости и риски войны, такимъ образомъ, принимала на себя Россія. Между тѣмъ, Австро-Венгрія, дружа съ противниками Россіи и въ тылу русской арміи сохраняя свои силы нетронутыми, получала всѣ козыри въ руки. Сдѣлка эта представляетъ примѣръ *marché de dupes* въ исторіи небывалый.

При всей своей хрупкости и для Россіи невыгодности, русско-австрійское соглашеніе еще разъ служитъ доказательствомъ непреложной истины: наихудшая система, но проводимая послѣдовательно, сто разъ предпочтительнѣе тому положенію, когда двѣ—три системы дѣйствуютъ одновременно, и одна разрушаетъ то, что, передъ тѣмъ, совершила другая. Соображенія генерала Игнатъева, хороши были, или нѣтъ, но въ Петербургѣ они одобрены не были. На предложенную султаномъ Абдулъ-Азисомъ дружбу Императоръ Александръ II отвѣтилъ отказомъ. Вліяніе Россіи въ Турціи колебалось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнило генералу Игнатъеву и личное его счастье. Политическая звѣзда его, которая была на зенитѣ, закатилась и, хотя онъ потомъ и занималъ мѣсто внутри Имперіи, но на прежнюю высоту она болѣе не поднималась. Наступилъ для него подходящий моментъ покинуть постъ, на которомъ онъ, въ теченіе десятилѣтій, подвизался съ такою славою. Дальнѣйшее его пребываніе въ Константинополѣ, это потомъ выяснилось рельефно,—принесло лишь вредъ, какъ ему лично, такъ и самому дѣлу. Безъ поддержки свѣше, самостоятельнаго совершить онъ ничего не могъ, съ другой стороны, для министерской политики онъ служилъ помѣхою и бѣльмомъ на глазу. Къ сожалѣнію, въ силу и понимѣ у насъ господствующей монархической теоріи, представитель Россіи, а особенно если онъ генераль-адъютантъ, въ лицѣ своемъ воплощаетъ волю монарха и, поэтому, имѣть собственныхъ идей онъ не долженъ. Въ корнѣ лицемѣрное, разсужденіе это заключаетъ въ себѣ пагубную ложь. Поборотъ свое правственное „я“, при всемъ желаніи, способенъ не всякій. Пользуясь колебаніями и сбивчивостью официальныхъ инструкцій, генераль Игнатъевъ продолжалъ работать въ духѣ собственныхъ убѣжденій и самостоятельно. Въ то время какъ Е. П. Новиковъ и графъ Андраши изготавляли австро-русское сепаратное соглашеніе, онъ съ маркизомъ Салисбюри велъ дѣло на основаніяхъ противоположныхъ. Стремясь, во что бы то ни стало, добиться устраненія вліянія генерала Н. П. Игнатъева, графъ Андраши дерзновенно потребовалъ, чтобы переговоры между Австріею и Россіею хранились отъ него въ секретѣ. Получилась курьезная аномалія: съ разрѣшенія князя Горчакова, русскій посолъ

Е. П. Новиковъ далъ австрійскому министру честное слово—*le général Ignatieff ne saura rien de la Convention.*

Князь Горчаковъ находился въ отпуску, товарищъ министра Вестманъ скопчался, а директоръ азіатскаго департамента подалъ въ отставку. Удаленіе отъ дѣлъ П. Н. Стремоухова произошло слѣдующимъ образомъ. Вступивъ въ исправленіе должности скопчавшагося Вестмана, въ увѣренности, что его утвердятъ товарищемъ, П. Н. Стремоуховъ поѣхалъ представиться Государю. Но появленіе его произвело впечатлѣніе неблагопріятное. „Надѣюсь, сказалъ ему Государь, ты и при новомъ товарищѣ также хорошо будешь исполнять свои обязанности“. П. Н. Стремоуховъ обидѣлся, бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню. Во главѣ министерства случайно оказались: старшій совѣтникъ баронъ А. Г. Жомини и вице-директоръ азіатскаго департамента А. А. Мельниковъ. Опасаясь, какъ бы кратковременное правленіе ихъ не прошло безслѣднымъ, господа эти, по поводу Герцеговинскихъ дѣлъ, обнародовали въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщеніе тона довольно воинственнаго. Когда имъ это замѣтили, они поспѣшили напечатать второе сообщеніе, которое только усугубило впечатлѣніе перваго. Кромѣ того, баронъ А. Г. Жомини отличался болтливостью: дипломатическія его *indiscrétions* въ петербургскихъ гостиницахъ служили темою разговоровъ и анекдотовъ.

Между тѣмъ, въ Бѣлградѣ происходило бракосочетаніе князя Милана съ дочерью бессарабскаго землевладѣльца полковника Кешко. Самъ Императоръ Александръ II удостоилъ быть посаженнымъ отцомъ. Покончивъ со свадебнымъ торжествомъ, А. Н. Карцовъ отправился въ Петербургъ. На пути онъ заѣхалъ въ Курскую губернію, въ деревню къ своему бывшему начальнику П. Н. Стремоухову, который успѣлъ успокоиться и одуматься. Онъ просилъ А. Н. Карцова быть его заступникомъ и отвезти отъ него письмо князю-канцлеру. Попытка эта успѣха не имѣла. Князь Горчаковъ взялъ письмо, но объявилъ напередъ „*nous sommes privés d'un collaborateur précieux. Mais il n'y a rien à faire: l'Empereur est contre lui.*“

Князь Горчаковъ приказалъ А. Н. Карцову ознакомиться съ дѣлами и разрѣшилъ открыть ему разные картонны. Но въ этихъ *dossiers* главнаго и не находилось: всего того, что происходило за кулисами, миссія принца Александра Гессенскаго, первыхъ признаковъ сближенія съ Австро-Венгріею тамъ не было и слѣда.

Русское общественное мнѣніе, какъ западническое либеральное, такъ и славянофильское, къ Австріи относилось съ одинаковою враждебностью. Классическая неблагодарность, которою Австрія въ

1853—55 г.г. отплатила намъ за услугу, оказанную ей въ венгерское возстаніе, была у всѣхъ въ памяти. Мы гордились призваніемъ Россіи защищать угнетенныя народности,—съ 1815 года. Австрія считалась оплотомъ реакціи и гасительницею національнаго духа и свободы. Вопреки собственнымъ выгодамъ, мы горячо симпатизировали объединенію Италіи, хотя не трудно было предвидѣть, что вытѣсненная изъ Италіи Австрія обратится къ Востоку и для насъ явится тамъ опаснымъ соперникомъ. Наконецъ, какъ разъ въ эту минуту, австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Андраши, венгерскій патріотъ, заочно повѣшенный въ 1848 году, слѣдовательно, завзятый врагъ того славинства, на помощь которому мы готовились выступить.

Равнымъ образомъ, общественное мнѣніе въ Венгріи несочувственно относилось къ присоединенію Босніи и Герцеговины, опасаясь усиленія въ Австріи славянскаго элемента. Взявшись, въ угоду Императору Францу-Иосифу, осуществить этотъ проектъ, графъ Андраши сознательно приносилъ въ жертву свою, столь дорого купленную, популяриность. Что касается Германіи, то хотя князь Бисмаркъ и толкалъ Австрію на Востокъ, но онъ предпочелъ бы, чтобы успѣхами своими на новомъ поприщѣ Австрія была обязана Европѣ, и, главнымъ образомъ, Германіи, а никакъ не самостоятельнымъ отношеніямъ своимъ къ русской имперіи.

Князь Горчаковъ отлично понималъ значеніе приведенныхъ соображеній. Если бы планъ отдачи Австріи Босніи и Герцеговины сдѣлался извѣстнымъ, встревоженные интересы тотчасъ сплотились бы и образовалось теченіе, совладать съ которымъ было бы невозможно. Въ предупрежденіе сего, князь Горчаковъ пустился на махинацію чрезвычайно рискованную. Минуя обычный дипломатическій путь, втайнѣ отъ князя Бисмарка и генерала Пнатьева, за спиною русскаго общественнаго мнѣнія и венгерской оппозиціи, онъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ повелъ переговоры непосредственно и съ графомъ Андраши вступилъ какъ бы въ заговоръ. Такимъ образомъ, правда, тайна обезпечивалась, но получалась другая невыгода: въ дипломатической нашей дѣятельности единство было нарушено. Въ то время какъ наши неосвѣдомленные представители держались прежняго направленія,—наша политика перемѣнила руль, и мы плыли въ фарватерѣ совершенно новомъ.

Е. П. Новиковъ чувствовалъ себя на вполнѣ твердой почвѣ. Его денешіе, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость прочныхъ и непосредственныхъ отношеній съ Австро-Венгріею, неизмѣнно удостоивались Высочайшаго одобренія и покрывались лестными отмѣтками. Судя по всему, снова возвращались мы къ славнымъ днямъ

дружбы и совмѣстныхъ дѣйствій Императрицы Екатерины II съ Императоромъ Іосифомъ II. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Е. П. Новиковъ считалъ взятіе Австріею Воевиіи и Герцеговины желательнымъ для Россіи. Но только при этомъ условіи мы въ войнѣ съ Турціею могли обезпечить себѣ тылъ. Тѣмъ болѣе настаивалъ онъ, во что бы то ни стало, покончить съ возстаніемъ. Всякая поддержка инсургентамъ или даже простое выраженіе къ нимъ сочувствія приводило его въ состояніе неописуемаго раздраженія.

Совершенно въ иномъ положеніи находились другіе агенты съ Н. П. Иглатьевымъ во главѣ. Ничего не зная о томъ, что мы съ Австро-Венгріею вступили въ сдѣлку, они въ коварной политикѣ этой державы продолжали видѣть главное преткновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Австро-Венгрія, которая подавляла у себя дома малѣйшее попятное движеніе славянъ къ свободѣ, могла ли она сочувствовать освобожденію славянъ въ Турціи? Присоединясь къ Россіи и требуя отъ Турціи реформъ, Австро-Венгрія дѣйствуетъ неискренно. Турція потому и противится и не уступаетъ, что рассчитываетъ на поддержку не одной Англіи, но также Австро-Венгріи.

Между тѣмъ, официальная политика двигалась своимъ чередомъ. Турціи была предъявлена извѣстная нота Андраши, предлагавшая въ возставшихъ провинціяхъ реформу мѣстнаго самоуправленія. Но всемъ было ясно, что нота Андраши полумѣра, которая никого удовлетворить не можетъ. Въ заступничествѣ державъ инсургенты видѣли доказательство, что на ихъ сторонѣ общественное мнѣніе, слѣдовательно, косвенное себѣ поощреніе. Сербія и Черногорія заботились о судьбѣ турецкой райи, а помогали расширенія своей территоріи. Ратуя за самостоятельность турецкихъ славянъ, русское общество давало понять своему правительству, что пора бы и съ него снять ошеку и дать ему права народнаго представительства, которыми прочіе европейцы давно пользуются. Выходило, что у каждаго былъ свой отдѣльный умыселъ, и что возстаніе босногерцеговинское было только подходящею почвою и предлогомъ для разнородныхъ требованій и ожиданій. На дипломатическія ноты и циркуляры смотрѣли какъ на лекарства, подобно липовому цвѣту или ромашкѣ, если пользы, то и вреда не приносящія.

На своемъ Вѣнградскомъ посту А. Н. Карцовъ находился подъ давленіемъ осложняющихся событій и въ полномъ невѣдѣніи. Князь Миланъ и сербскіе министры обращались къ нему за совѣтами и разъясненіями, но онъ ничего не могъ имъ сказать, кромѣ того, что появилось въ официальныхъ документахъ, т. е. что они знали и безъ него. Тогда, съ пыломъ еще не остывшей молодости, А. Н. Карцовъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ съ намѣреніемъ до-

биться определенных инструкцій. Поездка эта произошла въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г.

Въ Петербургѣ Императоръ Александръ II принялъ А. Н. Карцова благосклонно и къ его заявленію, что нота графа Андраши ничего не стоитъ, отнесся снисходительно. Затѣмъ, А. Н. Карцовъ приступилъ къ князю Горчакову съ настоятельною просьбою опредѣленнаго отвѣта. При разговорѣ молчаливымъ свидѣтелемъ присутствовалъ баронъ А. Г. Жomini.

— Нота графа Андраши, докладывать А. Н. Карцовъ, оказалась безсильнымъ палліативомъ. Въ Сербіи воинственная агитація усиливается. Положеніе князи Милана съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе. Я боюсь, что онъ не въ силахъ будетъ слѣдовать совѣтамъ державъ и кончитъ тѣмъ, что уступитъ движенію. Въ придунайскихъ мѣстностяхъ весна наступаетъ рано: событія могутъ разгорѣться неожиданно. Что прикажете мнѣ дѣлать? *Quel est notre programme?*

Князь Горчаковъ только щелкнулъ пальцами и воскликнулъ:— *Ah, voilà notre programme.*—Выходи, на лѣстницѣ А. Г. Жomini сказалъ А. Н. Карцову:—*Vous avez été admirable de toupet avec lui. Que voulez Vous? il n'a pas de programme*¹⁾.

Ничего не добившись, А. Н. Карцовъ вернулся во-свойси. Въ вѣнѣ Е. П. Новиковъ встрѣтилъ его укорами насчетъ яко бы безхарактерности князи Милана.—Внукъ Милоша, стыдитесь,—воскликнулъ онъ и, при этомъ, въ азартѣ чуть перстомъ не выкололъ глазъ А. Н. Карцову.

Обвиненію, обращаемое Новиковымъ къ Милану, еще съ большимъ основаніемъ можно бы сдѣлать петербургскимъ правящимъ сферамъ. Мы видимъ, съ какою легкостью Турція, когда ей не мѣшаютъ, справляется со всевозможными движеніями: армянскимъ, македонскимъ и даже войною съ Греціею. То же несомнѣнно бы произошло и тогда, если бы не было духа времени, передъ которымъ пасовалъ не только слабый властелинъ крошечной Сербіи, но и самъ могучій Самодержецъ великой Россіи.

¹⁾ Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ, стр. 48

Глава III.

Вооружаться ли Сербіи?—Противоположность взглядов Н. П. Игнатьева и В. П. Новикова.—Высочайшее одобрение сербских приготовлений.—Проект оборонительной конвенции съ Черногоріею и миссія Ранко Алимича.—Статья 9-ая.—Пегодование Е. П. Новикова.—Опасенія Н. П. Игнатьева и его критика конвенции.—Кто повѣдалъ тайну Австріи?—Подозрѣнія Н. П. Игнатьева.—Татищевская легенда.—Нахальное заявленіе австрійскаго агента въ Бѣлградѣ.—Наше правительство не рѣшается принять вызовъ и старается замать дѣло.—Выписка изъ депеши Горчакова Н. П. Игнатьеву.—Уклончивость министерскихъ инструкцій.—М. Г. Черняевъ.—Deus ex machina.

Надежды на успѣхъ воздѣйствія державъ на Порту и посредничество между нею и инсургентами постепенно ослабѣвали: положеніе князя Милана становилось труднѣе и труднѣе. Конечно, по совѣту Австріи, онъ могъ границы княжества оцѣпить кордономъ войскъ и прекратить всякое общеніе съ инсургентами. Но это было легче сказать, нежели исполнить. Принять противъ движенія репрессивныя мѣры значило стать австрійскимъ жандармомъ, себя во мнѣніи народа уронить и соответственно поднять шансы соперничающихъ фамилій: Нѣгошей и Карагеоргиевичей. Роль славянскаго вожди-патріота личному характеру князя Милана какъ ни претила, дѣлать было нечего, онъ принужденъ былъ ее играть до конца.

Но и другая альтернатива—оказывать возстанію поддержку—могла имѣть для Сербіи послѣдствія весьма серьезныя. Рѣшившись на свой рискъ и страхъ дѣйствовать, Сербія компрометтировала себя передъ державами и вызывала опасность турецкаго нашествія. Какъ бы то ни было, во избѣжаніе быть застигнутою врасплохъ, Сербіи въ военномъ отношеніи надлежало готовиться. По этому поводу Н. П. Игнатьевъ высказывается весьма опредѣленно. Въ письмѣ отъ 5—17 марта 1876 г., вотъ что онъ говоритъ А. Н. Карцову:

„Нахожу весьма благоразумнымъ постановленіе Совѣта, о ко-

торомъ извѣстила ваша телеграмма 20-го марта. Задирать турокъ и давать поводъ къ столкновенію было бы въ высшей степени безразсудно со стороны сербовъ, но готовыми къ дѣйствию и отпору слѣдуетъ имъ быть. Прошлою осенью Гуссейнъ Авни-Паша замышлялъ ударить внезапно на Сербію съ 50 до 60 тыс. войска подъ предлогомъ „неожиданнаго“ для Порты пограничнаго столкновенія, вызваннаго сербскими бандами. При тогдашнемъ положеніи сербскихъ вооруженныхъ силъ, Сераскиру, пожалуй, удалось бы исполнить обѣщаніе, данное султану въ двѣ недѣли смять Сербію. И тогда сослужилъ службу сербскому народу и князю Милану разстройствомъ плановъ военной турецкой партіи... Теперь пока опасности нѣтъ. Махмудъ и Рашидъ у меня въ рукахъ и не посмѣютъ напасть на Сербію. Но султанъ лично не прочь отъ самыхъ крутыхъ мѣръ при первомъ поводѣ. Министры меня просятъ завтра отправиться къ нему, чтобы внушить ему благоразуміе“.

Въ свѣтѣ совершенно противоположномъ представлялись вещи съ точки зрѣнія, на которой стоялъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ, Е. П. Новиковъ. По его мнѣнію, сербскія вооруженія были примымъ поощреніемъ возстанію и дѣлали тщетнымъ мирное посредничество державъ. Приготовленія къ войнѣ Сербіи онъ называлъ не *оборонительными*, а *наступательными*.

Выступленіе Сербіи въ качествѣ славянскаго Пьемонта сильно озабочивало Австро-Венгрію. Одержки Сербіи малѣйшій успѣхъ—австрійскіе славяне національны свои притязанія подняли бы до максимума. Австрійское правительство изъявляло готовность поддерживать Россію противъ Турціи, однако, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы русская политика воздерживалась отъ дѣйствій, которыя могли бы въ славянскомъ мірѣ возбудить агитацію и разжечь страсти.

Равнымъ образомъ, и въ практическомъ отношеніи военное вмѣшательство Сербіи обѣщало мало хорошаго. Не Пьемонтъ рѣшилъ вопросъ италіанскаго объединенія, а штыки французской имперіи. Между тѣмъ, пораженіе Сербіи влекло за собою заступничество Россіи, т. е. ставило насъ лицомъ къ лицу съ Турціею.

Сербское правительство не переставало отъ А. Н. Карцова домогаться: какъ отнесется Россія къ вооруженіямъ Сербіи? Онъ, въ свою очередь, обратился частнымъ письмомъ къ Н. К. Гирсу. Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

„Въ письмѣ вашемъ отъ 28-го декабря 1875 г. писалъ Н. К. Гирсъ отъ 12-го января 1876 г., вы задали мнѣ такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ я не могъ взять на себя,—а потому я представилъ ихъ канцлеру, который съ своей стороны счелъ нужнымъ по-

вергнуть на возвращеніе Государя все ваше письмо ко мнѣ.— Оно было прочтено съ любопытствомъ Ею Величествомъ и удостоилось помѣты „Да“ противъ того мѣста, гдѣ вы спрашиваете—одобрить ли васъ министерство въ томъ, что, стараясь вселить въ сербахъ убѣжденіе въ единствѣ нашихъ съ Австріею стремленій въ пользу мира,—вы въ то же время совѣтуете имъ готовиться на тотъ случай, если бы стремленія эти оказались безплодными?

Итакъ по этому вопросу у васъ руки развязаны. Но вы, конечно, не выпустите изъ виду крайней осторожности и предусмотрительности, необходимыхъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Вообще всѣмъ, что вы сюда писали по возвращеніи вашемъ въ Сербію, здѣсь весьма и весьма довольны. Это вамъ, впрочемъ, уже извѣстно изъ телеграммы канцлера—и мнѣ остается лишь васъ поздравить съ этимъ успѣхомъ, что дѣлаю я тѣмъ охотнѣе, что лично раздѣляю я *вполнѣ* вашъ взглядъ на настоящія событія“.

Хотя и обставленное возможными оговорками и наставленіями крайней осторожности, разрѣшеніе Сербіи вооружаться представляло собою (въ этомъ Е. П. Новиковъ былъ совершенно правъ), отклоненіе *dreikaiserbund'a* и было въ противорѣчій съ предшествующими нашими съ Австро-Венгріею соглашеніями. Снова карты переходили къ Н. Н. Игнатьеву съ его политической программой,—Россія и славянство *faça da se*. Сербское правительство почувствовало подъ ногами почву: оно принялось не только покупать патроны и обучать войско, но и подумывать—какъ бы уговориться съ Черногоріею, а если возможно и съ Греціею. Рѣшено было послать въ Цетинье съ проектомъ военной конвенціи Ранко Алимпича. Зажигательнымъ характеромъ обращала на себя вниманіе статья 9-ая конвенціи, въ силу которой Сербія и Черногорія взаимно обязывались оказывать возстанію поддержку. Въ промеморіи князь Милашъ эту статью пробуетъ оправдать слѣдующими соображеніями:

„Россія всегда совѣтовала Сербіи и Черногоріи поддерживать между собою дружественныя сношенія. Настоящій моментъ весьма благоприятенъ для заключенія союзнаго договора. Впрочемъ, проектъ, представленный Сербіею, касается лишь возможности войны, а это отнюдь не можетъ поколебать высокую благосклонность Россіи, ибо *вполнѣ* отвѣчаетъ общему смыслу совѣтовъ: готовиться въ виду событій. Единственная статья несогласная съ политикою Россіи—это статья 9-ая, обязывающая договаривающіяся стороны поддерживать возстаніе. Но Сербія можетъ помогать возстанію только денежно, тогда какъ Черногорія помогала и дѣломъ. Сербіи предложила трактатъ: ей теперь назадъ пойти невозможно. Между тѣмъ Черногорія и такую редакцію считаетъ слишкомъ блѣдною. По этимъ

причинамъ Сербіи не слѣдовало бы дѣлать укоровъ, дабы еще болѣе не затруднить положеніе князя Милана.

Положеніе вещей въ Вѣлградѣ и мотивъ предположеній конвенціи въ донесеніяхъ своихъ А. Н. Карцовъ изложилъ со свойственною ему правдивостью, ничего не утаивая. Экспедицію свою онъ самолично повезъ въ Вѣну. Эффектъ получился необыкновенный: Е. П. Новиковъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе: „Какъ, воскликнулъ онъ, мы условились съ Австріею дѣйствовать заодно и въ примирительномъ духѣ, а сами за ея спиною побуждаемъ сербовъ вооружаться. А статья девятая, обязывающая Сербію и Черногорію поддерживать возстаніе... Развѣ это не мерзость“. Не теряя минуты, Е. П. Новиковъ засѣлъ писать въ Петербургъ и проектъ конвенціи подвергъ жесточайшей критикѣ. Въ то время какъ депеши переписывались въ конвенціи, а самъ посоль, еще не остывъ отъ гнѣва, расхаживалъ по комнатѣ, А. Н. Карцовъ сидѣлъ въ креслѣ, понутивъ голову. „Что съ вами?“ остановился и спросилъ Новиковъ. Съ комическою грустью тотъ отвѣчалъ: „Je suis comme Charles Quint: j'assiste à mon propre enterrement“.

Такъ же остался недоволенъ конвенціею и Н. П. Игнатьевъ, но соображенія, имъ руководившія, были совершенно иного рода. Пуще всего онъ боялся (и не безъ основанія), чтобы тайна конвенціи по неосторожности нашего посольства въ Вѣнѣ не стала извѣстною графу Андраши. Опасенія эти Н. П. Игнатьевъ, не стѣнялся, высказываетъ А. Н. Карцову въ письмѣ отъ 2—14 апрѣля 1876 г.:

„Составленіе и сообщеніе конвенцій, посланныхъ съ Алимпичемъ, было крайне неосторожно. Достаточно было простого оборотительнаго договора, который скрѣпилъ бы кровное сообщество, не компрометируя никого. Не знаю какимъ путемъ, но содержаніе конвенцій сдѣлалось извѣстнымъ венгерцамъ. На вашемъ мѣстѣ я, прочитавъ проектъ, переданный вамъ Павловичемъ (и снявъ, можетъ быть, наскоро копіи) отдалъ бы ихъ обратно, поблагодаривъ за довѣріе и посоветовавъ дѣлать, что Богъ на душу пошлетъ, не ставя насъ въ фальшивое положеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ я въ 1868 году. Такимъ образомъ, избѣгли бы сообщенія съ Вѣнскимъ посольствомъ и петербургскихъ литографій. Тогда какъ теперь (*horribile dictu*) копіи провалившихся конвенцій валяются во всѣхъ канцеляріяхъ и, конечно, попали въ руки Бисмарка и Андраши. Легко было предвидѣть впечатлѣніе Е. П. Новикова въ данномъ случаѣ.

Знаю изъ самаго вѣрнаго источника что Е. П. Новиковъ убѣдилъ (черезъ Сабурова) Комундурова отклонить присылку сербскаго уполномоченнаго. Греческій кабинетъ, напуганный нескром-

постыю сербовъ, яко бы поставившихъ въ извѣстность Вѣнское правительство относительно сего проекта рѣшился уклониться отъ преждевременныхъ переговоровъ, чтобы не быть компрометтированнымъ передъ Европою и Портою *безъ всякой пользы для дѣла*. Изъ Аѳинъ мнѣ передано, что греки удивляются легкомыслію сербовъ, которые если хотѣли предпринять что-нибудь серьезное, — „не должны были влиять европейскіе кабинеты, въ убѣжденіи, что даже сочувственное правительство не можетъ имъ посовѣтовать иное, какъ миръ и спокойствіе“.

Передъ тѣмъ, въ письмѣ отъ 5/17 марта 1876 г. Н. П. Игнатьевъ писалъ А. Н. Карцову:

„Сербія и Черногорія должны были—въ виду грядущихъ, возможныхъ событій заключить между собою оборонительный договоръ. Къ сожалѣнію, въ редакцію проекта введены статьи, обличающія легкомысліе, непредусмотрительность и неосторожность. Не только статья 9-ая, но и нѣкоторые другіе бесполезны и даже вредны, ибо компрометтируютъ индиректно и насъ (ихъ покровителей). Кроме того, военная конвенція входитъ преждевременно въ такіе подробности, которыя могутъ *погубить* все дѣло. Опасаюсь, что она разглашена будетъ. Если Андраши узнаетъ, то и туркамъ будетъ сообщено. Въ искренность венгерцовъ къ намъ не вѣрю, а въ ненависти ихъ къ Сербіи убѣжденъ. *Знаю*, что самое пламенное желаніе ихъ теперь посорить князя Милана съ кн. Николаемъ, раздуть взаимныя недовѣрія, охладить Петербургъ къ Сербіи, ослабить послѣднюю внутренними смутами и наконецъ осадить княжество на нѣсколько лѣтъ, чтобы сербы внутренніе и внѣшніе при-
смирѣли и пикнуть не смѣли передъ мадьярами. Цѣль вѣска: весьма ясна: хотить подорвать (подъ прикрытіемъ дружбы) наше вліяніе и значеніе (правственное и политическое) двухъ правительственныхъ сербскихъ центровъ—Бѣлградъ и Цетинье—чтобы замѣнить ихъ вліяніемъ австрійскимъ. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ этого не видятъ. Авось „кривая“ вывезетъ“.

Кто же, однако, повѣдалъ австрійцамъ тайну? Н. П. Игнатьевъ ищетъ виноватаго повсюду: онъ находитъ (письма отъ 5/17 марта 1876 и 2/14 апрѣля 1876 г.), что князь Миланъ „бываетъ слишкомъ откровененъ и легкомысленъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми личностями, и все передается венгерцамъ“... Такъ, напримѣръ, лишнее говорилось Доско, а эллинскій агентъ сообщалъ Вреде или доносилъ Ипсиланти, который, чтобы подслужиться (или по глупости) сообщилъ Андраши“.

Съ своей точки зрѣнія, Н. П. Игнатьевъ былъ совершенно правъ, утверждая—А. Н. Карцову переговоры слѣдовало вести со-
во-

la main, а въ особенности ничего не сообщать Е. П. Новикову. Фактъ существованія между Сербією и Черногорією тайныхъ сношеній и, при томъ, съ одобренія Россіи, по отношенію къ графу Андраши, ставилъ нашего посла въ положеніе самое ложное. Послѣ торжественныхъ обѣщаній единодушнаго дѣйствія, теперь мы уже снизошли до сдѣлки съ маленькою Сербією, которая въ дѣйствительности, по слабости своего правителя князя Милана, была только орудіемъ революціонной „Омладины“. Представимъ себѣ—графъ Андраши приходитъ къ Е. П. Новикову и ставитъ ему ребромъ вопросъ: что означаетъ посылка Ранко Алимпича въ Цетинье? Е. П. Новикову ничего другого не осталось бы, какъ попробовать свалить вину на сербское правительство. Въ горячности бесѣды и въ оправданіе собственной *bonne foi*, онъ могъ обнаружить подробности, которыя графу Андраши до того и не были извѣстны. Но отъ прямого отвѣта если бы Е. П. Новикову и удалось уклониться, налицо былъ С. С. Татищевъ, проводившій съ графомъ Андраши вечера въ Carl Theater'ѣ, а по ночамъ, вмѣстѣ съ Ипсиланти, игравшій въ Jockey Club'ѣ. Разумѣется, это одни предположенія, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ они сами просились на умъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Н. П. Игнатьевъ рассказывалъ пишущему эти строки—на столѣ австро-венгерскаго посла въ Константинополь графа Зичи случайно увидалъ онъ русскую депешу весьма важную, кажется, князя Горчакова. Другіе члены нашего посольства въ Вѣнѣ (совѣтникъ Васильчиковъ, секретарь Алексѣй Татищевъ) возмущались преклоненіемъ Е. П. Новикова передъ Андраши. Такимъ-то образомъ и сложилась чудовищная легенда будто С. С. Татищевъ продалъ Австріи дипломатическіе секреты.

Что австрійское правительство вполне освѣдомлено—это выступило наружу весьма скоро и въ формѣ неожиданной и грозной. Послѣдовалъ инцидентъ, которому въ своей перепискѣ князь Миланъ даетъ названіе *la bombe Wrède*. Вотъ какъ этотъ инцидентъ излагаетъ самъ князь Миланъ въ промеморіи.

„Князь Вреде былъ сегодня поутру у князя Милана и тономъ довольно неприличнымъ сдѣлалъ слѣдующую декларацію. Австрія и Россія приняли твердое рѣшеніе сохранить миръ; замѣненія князи Николая весьма удовлетворительны; положеніе Сербіи вызывающее. Обѣ державы требуютъ, чтобы Сербія категорически высказалась въ пользу мира; чтобы она прекратила свои приготовления, иначе державы предъявятъ ей ультиматумъ, а если Сербія не подчинится—Австріи будетъ поручено принять мѣры, дабы заставить Сербію стать относительно Порты въ надлежащее положеніе. Князь отвѣчалъ, что онъ не признаетъ за княземъ Вреде права говорить

отъ имени Россіи; что съ нимъ обходятся не такъ, какъ съ княземъ Николаемъ. Между тѣмъ Сербія не вызываетъ турокъ, а князь Николай поддерживаетъ позстаніе. Въ минуту, когда 40 т. турецкаго войска стоитъ на границѣ, сербская армія еще пашетъ поля. Наконецъ, что олъ князю Вреде дастъ отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. Князь Миланъ поручаетъ мнѣ просить вашего совѣта; спросить васъ—австро-венгерскія угрозы дѣлаются ли съ согласія Россіи? и, наконецъ, вамъ замѣтить,—приготовленія дѣлались по совѣту Россіи“.

Князь Вреде свою декларацію передалъ въ формѣ возможно торжественной, въ оффиціальной аудіенціи и отъ имени Императора Франца-Иосифа. Князь Миланъ успокоился не на шутку. Накапунѣ аудіенціи позднюю ночью онъ звалъ къ себѣ А. Н. Карцова. Тотъ уже легъ спать и не пошелъ. Независимо промеморіи, переданной отъ имени министра иностранныхъ дѣлъ, князь Миланъ А. Н. Карцова пригласилъ придти перетолковать о *bombe Wrede* частною запискою. Но что могъ сказать А. Н. Карцовъ? Цѣль австрійской деклараціи была не столько пугнуть Сербію, сколько передъ нею русскую политику вывести на свѣжую воду. Вѣдь, если князь Вреде осмѣлился говорить отъ имени русскаго правительства, значить, графъ Андраши рассчитывалъ, что изъ Петербурга опроверженія не послѣдуетъ. Въ надеждѣ, хотя у Н. П. Игнатьева найти поддержку, А. Н. Карцовъ обратился къ нему съ вопросомъ: считаемъ ли мы себя солидарнымъ съ угрозами, заявленными въ Бѣлградѣ княземъ Вреде, и что отвѣчать князю Милану? Телеграмму эту Н. П. Игнатьевъ сообщилъ канцлеру князю Горчакову, а А. Н. Карцова увѣдомилъ, что указаніе онъ получитъ изъ Петербурга. Въ дальнѣйшей перепискѣ Н. П. Игнатьевъ избѣгаетъ касаться щекотливаго инцидента и только однажды глухо пишетъ (отъ 2/14 апрѣля 1876 г.): „Васъ я всячески отстаиваю. Съ моимъ пріятелемъ графомъ Зичи побралися за Вреде и написалъ Ник. Карл. Гирсу (съ которымъ я давно въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ), что намъ стыдно выдавать своихъ агентовъ иностранцамъ, въ особенности „венгерцу“. Вскорѣ А. Н. Карповъ получилъ письмо отъ Е. П. Новикова отъ ^{21 марта} ~~2 апрѣля~~. Е. П. Новиковъ передалъ ему приказаніе князя А. М. Горчакова въ дѣлахъ, касающихся нынѣшняго политическаго кризиса на Востокѣ, обращаться въ министерство непосредственно, а не черезъ посольство въ Константинополь, какъ онъ передъ тѣмъ поступилъ въ инцидентѣ Вреде, за что князь Александръ Михайловичъ поручилъ Е. П. Новикову сдѣлать ему „дружеское замѣчаніе“. Et c'est tout. Пойманная съ поличнымъ, наша дипломатія сочла

наиболѣе благоразумнымъ замѣять непріятное дѣло и оставить его безъ послѣдствій.

Итакъ въ то время какъ нашъ посолъ въ Константинополѣ въ Австро-Венгрію видѣлъ корень всего зла, его Вѣнскій коллега въ ней, и въ ней только одной, усматривалъ якорь спасенія. Поставленный между двухъ огней, дипломатическій агентъ нашъ въ Вѣлградѣ чувствовалъ себя совершенно сбитымъ съ толку. Что же наше министерство иностранныхъ дѣлъ, въ свою очередь, какъ смотрѣло оно на положеніе? Н. К. Гирсъ пишетъ А. Н. Карцову отъ 5/17 февраля 1876 г.

„Принятіе Портою Андрашевской ноты и высказанная ею готовность ввести требуемыя реформы—заставляетъ насъ дѣйствовать теперь и на инсургентовъ, равнымъ образомъ на Сербію и на Черногорію, для умиротворенія края. Вотъ, что канцлеръ писалъ по этому предмету Игнатьеву нѣсколько дней тому назадъ: *je ne me dissimule d'aucune façon les difficultés que nous avons encore à surmonter. Si la Porte ne se borne pas à accepter nos propositions, mais se met immédiatement et consciencieusement à l'œuvre pour les réaliser sur place, elle nous offrirait les moyens et j'oserais dire nous imposerait le devoir de contenir les espérances exagérées qu'on aura pu faire naître en Bosnie et en Herzégovine.*

Въ виду важности настоящаго момента, мнѣ казалось полезнымъ, даже необходимымъ сообщить вамъ эту выписку, заключающую въ себѣ цѣлую программу,—въ особенности послѣ письма, въ которомъ и вамъ говорилъ о Высочайшемъ одобреніи сообщенныхъ мнѣ вами взглядовъ. Въ сущности *по мнѣнію моему* нѣтъ причины ихъ измѣнить, но болѣе чѣмъ когда-либо приведеніе ихъ въ дѣйствіе требуетъ осторожности...

...Какъ вамъ извѣстно, здѣсь встревожены посылкою Ранко Алимича. Это показываетъ, какъ мы желаемъ избѣгнуть всего, что могло бы помѣшать умиротворенію“.

Словно въ зеркалѣ, отражаетъ письмо Н. К. Гирса роковую противорѣчивость нашей политики. Сначала изъ депеши Горчакова приводитъ онъ цитату въ духѣ и стилѣ *dreikaiserbun'da*, будто бы заключающую въ себѣ цѣлую программу. Эта программа тѣмъ не многозначительнѣй, что возникла она послѣ Высочайшаго одобренія сербскихъ вооруженій. Но весь достигнутый эффектъ Н. К. Гирсъ самъ уничтожаетъ добавленіемъ,—по его мнѣнію,—прежнихъ взглядовъ мѣнять нѣтъ причины, а только нужно ихъ проводить съ болѣею осторожностью. Пресловутой миссіи Ранко Алимича онъ не одобряетъ, но и не осуждаетъ, а говоритъ лишь—въ Петербургѣ

она вызвала тревогу, что еще болѣе доказываетъ миролюбіе Императора Александра II.

Въ Бѣлградѣ надъ загадками русскаго дипломатическаго сфинкса еще долгое время себѣ бы ломали голову и колебались—кого слушаться: угрожающихъ предостереженій Австріи или, полныхъ сочувствія, но боязливыхъ совѣтовъ Россіи. Вдругъ неожиданно движеніе получило могучій толчокъ: изъ Петербурга прибылъ герой Ташкента и Георгіевскій кавалеръ генералъ Черняевъ и предложилъ сербскому правительству свои услуги.

ГЛАВА IV).

М. Г. Черняевъ.—Поѣздка Карцова въ Эмсъ.—Государь намѣревается Черняева лишить знаковъ военнаго ордена.—Опять двойственная политика.—Декларация Карцова графу Андраши.—Письмо Гирса.—Н. П. Игнатьевъ предупреждаетъ султана Абдуль-Азиса о грозящей ему опасности.—Положеніе въ Константинополѣ послѣ переворота.—Взглядъ Н. П. Игнатьева на сербскую войну.—Его оптимизмъ.—Старанія его организовать Сербіи помощь: деньгами, военными снарядами, добровольцами, госпитальными принадлежностями.—Рейхстагское свиданіе.—*Secret du roi*.—Отзывы Н. П. Игнатьева и Е. П. Новикова.—Непостижимое потворство Австро-Венгріи добровольческому движенію.

Пріѣздъ въ Сербію М. Г. Черняева, съ точки зрѣнія и юридической и формальной, представлялся исполнѣ естественнымъ и законнымъ. Находясь въ чистой отставкѣ, М. Г. Черняевъ имѣлъ право располагать собою. Совѣтъ готовится къ войнѣ дало Сербіи само русское правительство. Если, въ качествѣ инструктора, сербскій кабинетъ счелъ нужнымъ пригласить русскаго заслуженнаго генерала, такой выборъ петербургскимъ сферамъ, казалось бы, долженъ былъ бы быть пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Совершенно иной обликъ получаетъ дѣло, принявъ во вниманіе совокупность тогдашнихъ обстоятельствъ, настроеніе русскаго общества и личность М. Г. Черняева. Выѣздъ изъ Петербурга М. Г. Черняева или, вѣрнѣе, его исчезновеніе произвело въ городѣ дѣйствіе электрическаго тока. И до Черняева въ Герцеговинскомъ возстаніи принимали участіе русскіе добровольцы, но это были отчаянные люди и, большею частью, зеленая молодежь. Теперь выступалъ на арену крупный общественный и военный дѣятель. Съ проникающей, свойственною восточнымъ людямъ, сербскіе министры тотчасъ сообразили—какой могучій козырь даетъ имъ въ руки

популярное имя М. Г. Черниева. Надо думать, М. Г. едва ли отъ нихъ скрывалъ знаменательный фактъ—что съ нимъ въ перепискѣ состоятъ В. В. Зиновьевъ, гофмаршалъ наслѣдника русскаго престола.

А. Н. Карцовъ къ появленію М. Г. Черниева въ Бѣлградѣ отнесся довольно безразлично. Изъ Петербурга на этотъ счетъ никакихъ указаній не приходило. Чуть ли не со школьной скамьи, А. Н. Карцевъ служилъ за границею и, очень понятно, съ теченіемъ внутренней русской жизни былъ знакомъ довольно поверхностно. Внушая сербамъ необходимость, на случай войны, вооружаться, онъ могъ только радоваться тому, что сербская армія попадетъ въ умѣлыя руки. Въ М. Г. Черниевѣ, на первыхъ порахъ, онъ видѣлъ военного спеціалиста, а политическое его значеніе раскрылось ему не сразу.

Кромѣ того, Карцовъ зналъ сербовъ не по наслышкѣ, а каковы они на дѣлѣ. Мысль, чтобы ради нихъ Россія пошла на войну, представлялась ему слишкомъ нелѣпою. Общественнаго одушевленія, которое вскорѣ охватило Россію, онъ, разумѣется, не предугадывалъ.

Въ концѣ мая 1876 г., А. Н. Карцовъ былъ вызванъ въ Эмсъ, гдѣ Императоръ Александръ II пользовался водами. Онъ прибылъ, какъ разъ, въ минуту, когда пришло извѣстіе о Константинопольскомъ переворотѣ и воцареніи султана Мурада. Съ Государемъ были: канцлеръ князь Горчаковъ, старшіе совѣтники: баронъ А. П. Юмнини и А. С. Энгельгардтъ, баронъ Фредериксъ и др. Среди роскошной природы Эмса, господа эти наслаждались жизнью совершенно открыто, нисколько не стѣняясь близостью снисходительнаго Монарха. Государь былъ въ негодованіи на Черниева, осмѣливагося стать во главѣ сербскаго войска, не получивъ на то разрѣшенія. Онъ намѣревался лишить Черниева военного ордена. „Постарайтесь отговорить Государя“, говорилъ Андрею Николаевичу князь Горчаковъ. Мы, его приближенные, потеряли всякое вліяніе. *Nous sommes usés, complètement usés*. А. Н. доложилъ Государю, что нельзя лишать Черниева того, что составляетъ его заслуженное достоинство, и что строгостями можно только еще болѣе усилить его популярность. „Хорошо, сказалъ Государь, но я запрещаю тебѣ принимать Черниева“. Вслѣдъ затѣмъ А. Н. была дана категорическая инструкція—не допускать Сербію до войны. Прощаясь, князь Горчаковъ ослабилъ значеніе этой инструкціи, добавивъ: „При всемъ томъ, не забывайте, что если Государь противъ войны—его сынъ, Наслѣдникъ Престола, стоитъ во главѣ движенія“. А. Н. оставилъ Эмсъ, сильно смущенный двойственностью въ правитель-

ствѣ, такъ осязательно выступившею наружу. Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ его ожидалъ Новиковъ.

— Можете ли вы поручиться, что войны не будетъ?—въ упоръ спросилъ онъ А. Н. Тотъ отвѣчалъ: „въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія, могу сказать утвердительно: миръ нарушенъ не будетъ“. „Согласны ли вы повторить это графу Андраши?“ „Да, согласенъ“. И вотъ оба дипломата отправились въ Staatskanzlei къ Андраши. Въ присутствіи Новикова, А. Н. далъ австрійскому министру самыя рѣшительныя завѣренія въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ русскаго правительства. Казалось бы, послѣ этого ему оставалось только, вернувшись въ Бѣградъ, объявить рѣшительную волю русскаго Государя и потребовать немедленнаго выѣзда Черняева. Вышло, какъ разъ, наоборотъ. Отъ управляющаго мин. иностр. дѣлъ Н. К. Гирса получилось письмо съ наставленіемъ въ духѣ Аничковского дворца. Человѣкъ чрезвычайно осторожный, Николай Карловичъ представлялъ собою *homme d'avenir*, на политическое чутье котораго можно было положиться: вѣдь и князь Горчаковъ колебался между Государемъ и Наслѣдникомъ. Въ результатѣ, послѣдовала война ¹⁾.

Во время пребыванія Карцова въ Эмсѣ, Императоръ Александръ II относился къ нему чрезвычайно милостиво. Два раза онъ былъ удостоенъ приглашеніемъ къ Высочайшему столу. Послѣ обѣда, одинъ иностранный принцъ подошелъ къ А. Н. и сказалъ ему: „*Est ce que les oreilles ne vous ont pas tinté des eloges que l'Empereur faisait de vous pendant le diner*“.

Константинопольскій переворотъ для Н. П. Игнатьева, какъ и для другихъ, явился неожиданностью, но, что дѣло неминуемо завершился катастрофою,—это онъ сознвалъ напередъ и вполне отчетливо. Обыкновенно, между нимъ и султаномъ посредникомъ служилъ, представитель хедива Измаила-паши, Абрамъ-эффенди, внослѣдствіи Абрамъ-паша. Черезъ Абрама-эффенди Н. П. Игнатьевъ предостерегалъ султана и совѣтовалъ ему двухъ наиболее опасныхъ пашей отправить въ изгнаніе. Самоувѣренно отвѣчалъ Абдулъ-Азисъ: „генераль Игнатьевъ потому безпokoится, что не знаетъ обычая нашей вѣры. Стоитъ мнѣ показать четки,—мятежниками овладѣетъ такой страхъ, что они тотчасъ опомнятся и выдадутъ зачинщиковъ“. Съ того момента, какъ русское правительство непосредственное соглашеніе съ Турціею отвергло и предпочло ему *entente à deux* съ Австріею, наше вліяніе въ Константинополѣ

¹⁾ Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на ближнемъ Востокѣ. С.-Петербургъ, 1906 г. Стр. 49—50.

пошло на убыль. Убіеніе Абдуль-Азиса и замѣна его Мурадомъ нанесли ему послѣдній ударъ. Вотъ какимъ образомъ въ письмѣ къ А. Н. Карцову отъ 17-го іюня 76 г., Н. П. Игнатьевъ рисуетъ положеніе.

„Васъ интересовало въ особенности знать—поколеблено ли наше вліяніе на Босфоръ или нѣтъ? Тройственный союзъ (какъ я предвидѣлъ) потерпѣлъ полное фіаско. Ради вѣнскихъ изобрѣтеній, мы были связаны по рукамъ и по ногамъ, а, между тѣмъ, англійскій флотъ явился въ Безику, и Англія открыто поддерживаетъ мусульманскую революцію. Флотъ не имѣлъ съ нашей стороны соотвѣтствующаго противовѣса. Здѣсь совершенная анархія, разгулъ фанатизма въ провинціяхъ. Дипломатическаго дѣйствія никакого быть не можетъ, пока не образуется серьезное правительство и султанъ не сдѣлается хозяиномъ. Теперь онъ плѣнникъ олигархіи нашей. Англичае прокричали о конституціи и видятъ теперь, что обожглись. Они воображаютъ, что хозяйничаютъ, потому что поддакиваютъ во всемъ турецкимъ революціонерамъ и плывутъ по мусульманскому теченію, предавая христіанъ въ руки палачей. Я замѣтилъ на этихъ дняхъ Эллиоту при всемъ дипломатическомъ корпусѣ: *qn'un steeple chase entre nous sous ce rapport est impossible et que je lui abandonne volontairement le prix*“.

Передъ тѣмъ, совѣтникъ султана и страхъ турецкихъ министровъ, на другой день переворота, Н. П. Игнатьевъ, вмѣстѣ со своими пятью секретарями, очутился словно сидящимъ на отмени. Но примириться съ безвыходностью положенія было не въ его характерѣ. Онъ сознавалъ: случившееся произошло не по его винѣ, а какъ неизбежное, имъ предвидѣнное и предсказанное, послѣдствіе ошибочнаго направленія. Англійскій посолъ лордъ Эллиотъ предрекалъ: Сербія будетъ раздавлена легко, и съ положеніемъ Милана падетъ русское вліяніе. Типунъ ему на языкъ! восклицаетъ генералъ Игнатьевъ. Сербо-Черногорская авантюра единственно оставшійся шансъ прижать Турцію къ стѣнѣ и заставить ее покориться.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го іюля 1876 г. Н. П. Игнатьевъ пишетъ Карцову:

...„Признаюсь, я всею душою въ сербо-черногорскомъ лагерѣ. Юнаки, молодцы сербы. Никакъ не ожидалъ что съ перваго раза будутъ такъ хорошо держаться подъ огнемъ. Разбитіе Мехмеда Али и взятіе Новаго Базара весьма важно“...

Вскорѣ выяснилось: извѣстія о сербскихъ побѣдахъ были газетными утками. Тому, что хочется, человѣкъ вѣрить охотно. Затѣмъ, Н. П. Игнатьевъ продолжаетъ:

„Я былъ противъ войны, потому что она не достаточно подго-

товлена. Греки не двигаются еще, а турки успѣли въ теченіе девяти мѣсяцевъ стянуть всѣ свои силы къ княжеству и возбудить до крайности фанатизмъ и энтузіазмъ. Благоразуміе требовало ожидать еще мѣсяца два и принять нѣкоторыя предварительныя мѣры. Но разъ война началась, необходимо (мы солидарны нравственно въ этомъ отношеніи, какія бы дипломатическія мѣры ни принимали), чтобы сербы-черногорцы-болгары устояли противъ турецкаго войска и имѣли успѣхъ, хотя въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, т. е. пока Европа убѣдится въ необходимости конференціи для окончанія бесполезнаго кровопролитія.

...Мы должны желать всею душою успѣха сербамъ, ибо, иначе, пожалуй, насъ втянутъ въ войну и, во всякомъ случаѣ, при успѣхѣ турокъ, намъ пришлось бы вмѣшаться, что было бы затруднительно при существующихъ обстоятельствахъ.

...Если сербы продержатся два мѣсяца въ томъ положеніи, въ которомъ нынѣ находятся—дѣло выиграю и князь Миланъ сдѣлается хозяиномъ у себя дома“.

Итакъ, генераль Н. П. Игнатьевъ высказываетъ надежду, что успѣхъ сербскаго оружія, хотя бы временный, заставитъ Европу вмѣшаться дипломатически и, такимъ образомъ, избавитъ Россію отъ необходимости дѣйствовать непосредственно. Что же до упрека—война преждевременна, слѣдовало бы подождать еще два мѣсяца и пр., это обычное въ подобныхъ случаяхъ *façon de parler*. Вѣдь и Турція не сидѣла бы сложа руки и, при помощи англійскаго золота, использовала бы эти два мѣсяца несравненно лучше маленькой Сербіи. Впослѣдствіи самъ Н. П. Игнатьевъ сѣтовалъ на продолжительность стоянки нашей арміи въ Кишиневѣ и сравнивалъ турецкія вооруженія съ пожаромъ, которому даютъ срокъ разгорѣться. Пользуясь бездѣйствіемъ турокъ, сербы продержались болѣе трехъ мѣсяцевъ, и, все-таки, Европа не пошевелила пальцемъ, чтобы положить конецъ „бесполезному кровопролитію“, и не она остановила побѣдоносное турецкое воинство, а поставленный Россіею ультиматумъ. Въ то время, какъ генераль Игнатьевъ, дабы Россію спасти отъ войны, строилъ расчеты на успѣхѣ сербовъ,—вожаки движенія, напротивъ, прекрасно понимали, что собственными силами они ничего не подѣлаютъ и потому все ихъ стремленіе сводилось—Россію, какъ-нибудь, запутать и вовлечь въ войну.

Поставивъ все дальнѣйшее въ зависимость успѣха сербскаго оружія, генераль Игнатьевъ изыскиваетъ способъ оказать Сербіи помощь. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ:

„...Надо помогать Сербіи всячески, чтобы самимъ не быть „увлеченными въ передрыгу“. За деньгами надо обратиться—черезъ Сла-

вянскій Комитетъ или графиню Блудову — къ Москвѣ. Я уже писалъ княгинѣ Трубецкой. Но нужно, чтобы сербы кого-нибудь (любокаго) послали. Если надо что-нибудь получить изъ Петербурга (дипломатически), можно бы послать Мариповича, устроивши, однако, такъ, чтобы Новиковъ не сбилъ его съ толку, на пути, какъ бывало неоднократно...

...Гдѣ Беккеръ? ¹⁾ Если недостатокъ хорошихъ офицеровъ, стоитъ кличь кликнуть у насъ — и много охотниковъ явится. Переходятъ ли въ Сербію граничары и австрійскіе офицеры славяне?...

...Надо обратиться къ Московскому комитету (Славянскому), чтобы пособить свинцомъ и т. п. Съ своей стороны, стараюсь подѣйствовать на Петербургъ“...

Въ этихъ отрывочныхъ фразахъ Н. П. Игнатьевъ набрасываетъ программу той „комитетской“ общественной войны съ Турціею, которая, впрочемъ, была уже, и помимо него, въ полномъ ходу. Что онъ серьезно допускалъ возможность успѣха сербовъ — доказываетъ слѣдующее мѣсто того же письма:

„...Отсюда высылаютъ всѣ войска. Отъ хедива вытребовали обязательный contingent. Онъ выслалъ, испуганный англо-турецкомъ флотомъ, два полка, возвратившіеся только-что изъ Абиссиніи, деморализованные и взбунтовавшіеся противъ него. Надѣюсь, что этимъ и ограничится. Полки эти останутся въ Константинополѣ. Если бы Новобазарскій корпусъ былъ уничтоженъ, а Нишскій и Софійскій поочередно разбиты, то Сербія была бы обезпечена“.

Русское правительство оптимизма генерала Н. П. Игнатьева не раздѣляло и на побѣду сербовъ надеждъ не возлагало. Въ предвидѣніи международныхъ осложненій, оно, въ духѣ переговоровъ 1875 г., къ тѣснѣйшему сближенію съ Австро-Венгріею сдѣлало новый шагъ. 26-го іюня 1876 г. въ Рейхштадтѣ состоялось свиданіе между императорами: русскимъ Александромъ II и австрійскимъ Францомъ-Іосифомъ. Рѣшено было въ конфликтъ Турціи съ Сербіею и Черногоріею не вмѣшиваться; посягательства Турціи на пѣлость территоріи этихъ государствъ не допускать. Затѣмъ, Австрія объявила, что образованія за Дунаемъ значительнаго славянскаго или иного государства она не дозволитъ и, въ случаѣ status quo на Балканскомъ полуостровѣ, она потребовала себѣ компенсацію. Въ отвѣтъ, Россія предъявила притязаніе на часть Бессарабіи, которую въ 1856 году у нея отняли.

¹⁾ Русскій офицеръ Генеральнаго штаба. Оставивъ службу по какимъ-то недоразумѣніямъ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пріѣхалъ въ Вѣлградъ и поступилъ на сербскую службу.

Постановленія Рейхштадтскаго свиданія составляютъ какъ бы двѣ части и совершенно особыя. Первая,—о невмѣшательствѣ, немедленно была оглашена и сдѣлалась предметомъ дипломатической переписки. Вторую,—касательно территориальнаго передѣла, кабинеты уговорились держать въ секретѣ. Генераль Н. П. Игнатьевъ, конечно, былъ бы крайне пораженъ, узнавъ, что, втайнѣ отъ него, русское правительство съ Австро-Венгріей уже вступило во формальную сдѣлку. Вотъ что, по поводу событія, онъ пишетъ Карцову (отъ 29 іюля 1876 г.):

„...При послѣднемъ свиданіи нашего Государя съ Императоромъ австрійскимъ условлено полное невмѣшательство (о которомъ всегда насъ просили Ристичъ и Мариневичъ), съ тѣмъ, что при развитіи обстоятельствъ, кабинеты обсуждать сообща, что предпринять. Если побѣда будетъ на сторонѣ сербовъ, то fait accompli рѣшится въ ихъ пользу. Non—intervention—мечъ обоюдоострый. Зичи сообщалъ о результатѣ этомъ Портѣ. Андраши рветъ и мечетъ, когда ему только намекнуть о необходимости присоединенія Босніи къ Сербіи“...

Если въ Н. П. Игнатьевѣ Рейхштадтское соглашеніе оставляетъ нѣкоторое чувство неудовлетворенности, за то какимъ торжествующимъ и самодовольнымъ тономъ звучитъ письмо Е. П. Новикова къ Карцову, отъ 28 іюня 1876 г.!

„...Въ Рейхштадтѣ рѣшено объявить политику невмѣшательства ни въ ту, ни въ другую сторону, съ тѣмъ, однако же, что союзные государи, связанные полнымъ единодушіемъ, предоставляютъ себѣ дальнѣйшее соглашеніе съ прочими великими христіанскими державами, въ случаѣ, если обстоятельства того потребуютъ.

Я имѣлъ счастье присутствовать при этомъ исторически-достопамятномъ свиданіи и удостовѣриться въ полномъ и искреннемъ согласіи нашего Всемилостивѣйшаго Государя съ Императоромъ австрійскимъ.

...А куда дѣвались „оборонительныя“ приготовленія Сербіи? Вы вспомните, любезный товарищъ, что я ихъ всегда считалъ „наступательными“ и, къ несчастію, не ошибся“.

При той тайнственности, которою окружались переговоры съ Австро-Венгріей, нѣтъ ничего удивительнаго, если сближеніе между правительствами на отношенія между народами оставалось безъ вліянія и ничуть не измѣнило давнишняго предубѣжденія русскаго общества противъ Австріи. Вся наша печать, дѣтели военные, дипломаты въ *secret du roi* непосвященные, продолжали, какъ и до того, видѣть въ Австріи завзятаго врага, предпринятаго Россією, святаго дѣла освобожденія турецкихъ христіанъ. Почему, однако, этотъ врагъ не только Сербіи и Черногоріи не препятствуетъ воевать

съ Турцією, но и пропускаетъ изъ Россіи къ нимъ транспорты съ оружіемъ и на своихъ пароходахъ возить отряды добровольцевъ? Этого вопроса никто себѣ не ставилъ. Впрочемъ, по части резонновъ повинисты народъ нетребовательный: услужливость Австріи объяснялась ея страхомъ предъ мощью Россіи и славянства.

Глава V.

Официально Россія совѣтуетъ Сербіи не воевать.—Личное мнѣніе Карцова.—Энтузіазмъ въ Россіи и угнетенное настроеніе въ Сербіи.—Воспоминанія князя В. П. Мещерскаго.—Славянскіе благотворительные комитеты.—Россія официальная и Россія комитетская.—Революціонныя проявленія: арестъ и инцидентъ Милетица.—Знаменательныя слова Наслѣдника Цесаревича гвардейцамъ-добровольцамъ.—Двѣ категоріи добровольцевъ.—Станъ Черняева въ Делиградѣ.—Характеристика М. Г. Черняева.—Отрицательное отношеніе Карцова къ Сербіи, славянскимъ комитетамъ и добровольцамъ.—Генераль Н. П. Игнатьевъ его не одобряетъ.—Теорія, по которой славянамъ Россія обязана благодѣтельствовать.

Въ Сербіи войны съ Турціею никто не желалъ: ни князь Миланъ, ни его министры, ни сами политиканы агитаторы, а, всего менѣе, мирное сельское населеніе. Война получилась какъ результатъ остраго внутренняго положенія, созданнаго агитаціею, и финансового кризиса, вызваннаго расходами на вооруженія. Событія сложились такъ, что отступить уже было некуда.

По поводу объявленія войны, князь Миланъ пишетъ нашему дипломатическому агенту:

„Г. Ристичъ былъ у васъ и, такимъ образомъ, вы уже знаете, что завтра на зарѣ я уѣзжаю въ армію. Я прошу васъ телеграфировать въ Ливадію, что я прошу Е. В. Императора простить мнѣ, если въ эту минуту я не слѣдую августѣйшимъ Его совѣтамъ, но обстоятельства вынуждаютъ меня присоединиться къ Черняеву, ибо опасность характера совершенно иного“.

Въ промеморіи, затѣмъ, указывается весьма опредѣленно: войну начала Сербія самовольно и вопреки совѣтамъ русскаго Императора: „князь Миланъ также сожалѣетъ, что онъ не слушался отеческихъ совѣтовъ Его Величества, но поступить такъ его заставили обстоятельства“.

Отсюда несомнѣненъ фактъ: *официально* Россія совѣтовала Сербіи не воевать. Если же Карцовъ и позволилъ себѣ высказать

особый взгляд, то онъ сдѣлалъ, оговоривъ, что это не болѣе, какъ его частное и личное мнѣніе. Съ виѣшней стороны, поступокъ Карцова составляетъ нарушеніе инструкцій, ему Высочайше преподанныхъ. Къ сожалѣнію, инструкціи не всегда между собою согласовались. Разрѣшивъ Сербіи вооружаться, Государь Александръ Николаевичъ сдѣлалъ первую уступку. Когда Черняевъ прибылъ въ Бѣлградъ, Нашему правительству представился случай потребовать отъ сербскаго правительства его высылки и, такимъ образомъ, порвать съ партіею движенія. Но рѣзкаго конфликта съ общественнымъ мнѣніемъ Императоръ Александръ II предпочелъ избѣгнуть. Чувствуя, что у нихъ подъ ногами нѣтъ твердой почвы, дипломаты, въ свою очередь, не хотѣли сжигать кораблей. Письмо Карцову товарища министра Гирса о необходимости принять въ соображеніе подъемъ національнаго духа было послѣднею каплею, которая переполнила чашу. Движеніе все подымало и все уносило, пока на своемъ пути оно не встрѣтило матеріальной преграды въ видѣ турецкаго войска.

Въ Россіи вѣсть о войнѣ вызвала порывъ всеобщаго энтузіазма. Всѣ отбѣнки общественнаго мнѣнія соединились въ сочувствіи дѣлу славянскаго освобожденія. Въ консервативномъ лагерѣ возобладало славянофильское теченіе. Либералы западники разсчитывали, что пробужденіе общественныхъ силъ благопріятно отразится и на внутреннемъ строѣ Имперіи и положитъ конецъ, наступившей съ 1866 года, реакціи. Противъ движенія высказывались рѣдкіе голоса графъ Л. Н. Толстой и сановники минувшаго царствованія.

Начинался своеобразный крестовый походъ. Въ Гостиномъ дворѣ и на уликахъ показались дамы высшаго общества съ кружками въ рукахъ. Въ церквахъ священники говорили проповѣди, служили молебны, а какъ стали получаться извѣстія объ убіенныхъ,—и панихиды. Вокругъ добровольцевъ, съ зелеными вѣточками на шапкахъ, тѣснился народъ. На вокзалахъ при отходѣ поѣздовъ раздавалось пѣніе: „Спаси Господи“ и „Боже Царя храни“.

Между тѣмъ, какъ въ Россіи патріотическій энтузіазмъ былъ въ полномъ разгарѣ,—въ Сербіи господствовало настроеніе самое угнетенное. Русская помощь была сербамъ нектаръ; добровольцы встрѣчались холодно, чуть не враждебно. Причина такому отношенію весьма простая. Сербы думали заставить воевать Россію, а вышло — они попались сами. Планъ генерала Игнатьева, который находилъ, что, дабы самой не воевать, Россія должна помогать Сербіи всячески, былъ сербамъ весьма не по вкусу. Они надѣялись, что Россія за нихъ вступится, а она, вмѣсто того, выговорила въ Рейхстагѣ *non intervention*, присылала добровольцевъ и деньги. Сопровиженіе

такимъ образомъ, затягивалось: изъ политической демонстраціи война становилась войною настоящею. Въ ту минуту Сербія походила на дуэлянта, который о дуэли далъ знать полиціи, но, приближаясь къ мѣсту поединка, съ ужасомъ видитъ, что полиція не приходить.

Въ своихъ воспоминаніяхъ (часть II, стр. 292) князь В. П. Мещерскій даетъ чрезвычайно мѣткую характеристику Бѣлградскихъ руководящихъ сферъ: „Въ Бѣлградѣ, познакомившись съ главными дѣйствующими лицами, я сразу получилъ холодную ванну, ибо убѣдился, по впечатлѣніямъ, которыя они на меня произвели, что и князь Миланъ, и митрополитъ Михаилъ и знаменитый премьеръ Ристичъ, — все это были, болѣе или менѣе, искусные *актеры*, разыгрывавшіе сообща комедію возстанія и, въ особенности, комедію эксплуатированія добродушной въ своемъ энтузіазмѣ Россіи. Доминантною нотой всѣхъ троихъ было неудовольствіе на Россію, что она слишкомъ мало дѣлаетъ для Сербіи и, не рѣшаясь объявить войны, ограничивается только присылкою *сброда* добровольцевъ-скандалистовъ и деньгами, которыхъ, кстати прибавляли они, шлютъ слишкомъ мало, при чемъ я услышалъ ноту неудовольствія на Черняева за то, что ему шлютъ больше денегъ, чѣмъ Милану и Михаилу“.

Сборомъ пожертвованій, отправкою въ Сербію добровольцевъ и денегъ завѣдывали въ Петербургѣ и Москвѣ—славянскіе благотворительные комитеты. Дѣятельность этихъ комитетовъ, постепенно расширяясь, подъ конецъ получила размѣры необыкновенные. Комитеты посылали отъ себя особыхъ уполномоченныхъ, съ нашими западными посольствами и консульствами пытались вступать въ сношенія непосредственно, дѣлать имъ запросы и давать указанія. Хотя дипломатическихъ чиновниковъ комитеты и считали рутинѣрами и не-патріотами, тѣмъ не менѣе, отвѣтственность лежала на представительствѣ официальномъ: оно разбирало недоразумѣнія между сербскими властями и добровольцами; къ нему же обращались добровольцы съ жалобами на уполномоченныхъ славянскихъ комитетовъ. Тутъ впервые обозначился антагонизмъ русскаго общества съ дипломатіею. Печать и общественные дѣятели на всѣ лады дискредитировали дипломатію, а потомъ отъ нея же требовали вліянія на „братушекъ“. Для внушенія добровольцамъ дисциплины, Славянской комитетъ рѣшилъ командировать „генерала“ и выборъ его палъ на генерала Дандевилля. Но „генеральство“ на добровольцевъ не подѣйствовало. Они домогались денегъ, а такъ какъ генералъ Дандевилль давалъ деньги съ разборомъ,—на него посыпались нареканія и настолько оскорбительныя, что сослуживцы его сочли нужнымъ печатно выступить въ защиту его добраго имени...

Благочестивая декорация, въ которую движеніе облекалось,—пѣніе молитвъ и народнаго гимна, соучастіе духовенства, симпатіи царственныхъ особъ: Государыни Императрицы и Наслѣдника престола, на первыхъ порахъ, не позволили разглядѣть въ немъ революціоннаго осадка, который, однако, образовался, при томъ, въ такой степени, что скоро сдѣлался видимымъ и невооруженному глазу. Само правительство на Сербію смотрѣло, отчасти, какъ на фонтанель и охотно отпускало туда „политическихъ“, въ расчетъ, что на полѣ брани они сложатъ буйныя головы и, такимъ образомъ, начальство избавятъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Радикальные органы, къ славянофильству всегда относившіеся враждебно и иронически, теперь вдругъ тактику перемѣнили и превратились въ завзятыхъ націоналистовъ. Движеніе, полагали они, во всякомъ случаѣ, послужитъ пробужденію общественнаго самосознанія, а, затѣмъ, не исчерпавъ локальнаго своего назначенія, оно снова перебросится въ Россію. Собираясь воевать съ турками „внѣшними“, главари радикализма за пазухой приберегали камень и противъ тѣхъ, кого на условномъ своемъ языкѣ они называли „внутренними турками“.

Съ чувствомъ глубокаго отвращенія взиралъ Е. П. Новиковъ на событія въ Сербіи, наплывъ добровольцевъ и дѣятельность славянскихъ комитетовъ. Рѣка выступила изъ береговъ; сдержать ея разливъ правительство было не въ силахъ. Въ этой правительственной слабости Новиковъ усматривалъ признаки приближающагося крушенія всего государственнаго строя. Съ своей стороны графъ Андраши не пропускалъ возможности подчеркнуть революціонный характеръ движенія. „Вы нами недовольны, сказалъ онъ Новикову, что мы арестовали корреспондента „Новаго Времени“. Не угодно ли вамъ прочесть полицейское дознаніе, и вы увидите, за что господинъ этотъ былъ арестованъ: на тайной сходкѣ въ Аграмѣ онъ проповѣдывалъ образованіе федеративной всеславянской республики“. Корреспондентъ этотъ былъ, ставшій впоследствии извѣстнымъ патріотическимъ публицистомъ, III—ъ.

Негодую на Россію,—что она сидитъ смиренно и хладнокровно смотреть на неравную борьбу сербскаго Давида съ турецкимъ Голиафомъ,—весьма рѣзкую выходку позволилъ себѣ редакторъ газеты „Застава“, издававшейся въ Новомъ Садѣ (Австріи) Милетиичъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что выстрѣлъ 4-го апрѣля не достигъ цѣли, вслѣдствіе чего на русскомъ престолѣ Александръ II, а не Александръ III. По этому поводу Новиковъ пишетъ Карцову, отъ 28-го іюня 1876 г.:

„Благодарю васъ, что вы поставили меня въ возможность присылкою мнѣ № 80 Новосадской „Заставы“ обратить вниманіе

австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ на чудовищныя печатныя заявленія южно-славянскихъ демагоговъ. Графъ Андраши исполнилъ свою обязанность: пресловутый Милетичъ сидитъ въ тюрьмѣ, несмотря на протесты своего друга Полита. Такъ поступлено въ Австро-Венгріи. Увидимъ, насколько въ облагодѣтельствованной нами Сербіи у правительства хватить разума, дабы запрещеніемъ ввоза этой мерзкой газеты засвидѣтельствовать о своемъ негодованіи противъ ея гнусныхъ доктринъ. А что - то не слышать“.

Русскіе добровольцы въ Сербіи дѣлились на двѣ категоріи. Одна—люди высшаго общества, гвардейцы: Дохтуровъ, графъ Келлеръ, Медвѣдовскій, Шевичъ, Волковъ и др. Они отправились въ Сербію, повинувшись вліянію Аничкова дворца и ради военной славы. Напутствуя ихъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ произнесъ высокознаменательныя слова: „я ваши Таковскіе кресты обмѣняю на Георгіевскіе“. Военные этого типа подчеркивали, что пріѣхали они воевать, а не заниматься политикою и, какъ будто, сторонились Черняева. Такъ, напримѣръ, когда начальникъ штаба, В. В. Комаровъ, покинулъ армію, въ исправленіе его обязанностей вступилъ Дохтуровъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ—не носить званія начальника штаба.

Другая категорія состояла изъ военныхъ, отбившихся отъ службы и ухватившихся за случай—кто погулять на волѣ, а кто и зашибить копейку. Въ Сербіи оказался полковникъ П. растратившій огромное состояніе, а потомъ побиравшійся по товарищамъ за подаваніемъ. Вся эта орава наполняла кофейни, не платила въ гостиницахъ, пила, играла въ карты, попадала въ полицію.

Въ это время пишущій эти строки окончивалъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Подобно многимъ другимъ, я не устоялъ противъ увлеченія и тоже отправился добровольцемъ. Дядя А. Н. встрѣтилъ меня чрезвычайно родственно и гостепріимно. Онъ потребовалъ, чтобы я остановился въ консульствѣ, а затѣмъ посовѣтовалъ ѣхать въ отрядъ генерала Новоселова.

„Этотъ генералъ, сказалъ мнѣ А. Н., занимается военнымъ дѣломъ, а не политикою. Что же до Черняева, я съ нимъ отношеній не поддерживаю. Его главная квартира въ Делиградѣ. Онъ окруженъ всякимъ сбродомъ и занимается только манифестаціями. То выдумали провозгласить Милана королемъ. И подобный *coup de théâtre* устраиваетъ армія не побѣдоносная, а послѣ пораженія. Теперь онъ выписалъ портныхъ... для чего?.. какъ бы ты думалъ? Онъ кроитъ костюмы для своей славянской стражи. Сербамъ уже

всѣ эти комедіи порядочно надобѣли. Ристичъ мнѣ заявилъ, что Сербія извѣрилась въ Славянскій комитетъ и отнынѣ будетъ слѣдовать исключительно указаніямъ Россіи оффиціальной¹⁾.

Въ письмѣ Карцову, отъ 25 октября 1876 г., Н. П. Игнатьевъ нѣсколькими удачными штрихами очерчиваетъ личность Черняева:

„Черняевъ былъ моимъ товарищемъ въ военной академіи. Никто болѣе меня не знаетъ его личныхъ качествъ и недостатковъ. Онъ поступилъ безумно и надѣлалъ много ошибокъ. On l'a surfait et il ne pourra jamais se maintenir à la hauteur où notre presse l'a placé, но тѣмъ не менѣе, онъ — по странному стеченію обстоятельствъ — сдѣлался какимъ-то мнѣиическимъ народнымъ героемъ. Не намъ его позорить, но желательно его направить, при случаѣ помочь ему и *образумить*. *Умнючи* можно весьма легко произвести на него вліяніе. Сколько мнѣ кажется, онъ попалъ въ дурную среду, и интриганы его опутали. Желательно чтобы онъ выбрался на добрую колею. На немъ лежитъ громадная отвѣтственность за совершившееся разореніе Сербіи — безъ достиженія цѣли“.

Послѣ рѣшительныхъ дней Дюниша, М. Г. Черняевъ нѣкоторое время оставался въ Бѣлградѣ. Съ сербскими министрами онъ былъ въ полномъ разладѣ. Въ воздухѣ пахло государственнымъ переворотомъ. Миланъ ссорился со скупщиною и думалъ противъ нея опереться на русскихъ добровольцевъ. Затѣямъ подобнаго рода А. Н. положилъ конецъ категорическимъ заявленіемъ: на иностранныхъ штыкахъ самодержавіе основано быть не можетъ. Впервые я увидалъ Черняева въ консульствѣ. Онъ имѣлъ видъ жалкій, растерянный. Онъ былъ внѣ себя отъ негодованія на какого-то добровольца, который съ перепоя, ни съ того, ни съ сего, всадилъ нѣсколько пуль въ сербскаго ребенка. Михайлъ Григорьевичъ храбрился, подогрѣвалъ себя надеждою, что дѣло освобожденія славянъ не погибнетъ, что онъ, Черняевъ, доведетъ его до конца и т. п., но смутное сознаніе подсказывало ему, что приключилось паденіе и что паденіе это безповоротнo. А паденіе совершилось съ высоты такой популярности, какой послѣ Кузъмы Минина на Руси и не запомнятъ... Вскорѣ А. Н. чу пришлось сообщить Черняеву Высочайшее повелѣніе о запрещеніи вѣзда въ Россію.

Прибывъ въ Бѣлградъ и убѣдившись въ негодности сербской милиціи, Михайлу Григорьевичу, строго говоря, слѣдовало отсѣлывать сербамъ воевать. Но онъ олицетворялъ собою движеніе, оно подняло его и несло: возвратъ былъ для него немислимъ. Невоз-

¹⁾ Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. Стр. 51—52.

можность обойтись мѣстными средствами слишкомъ была въ глаза. Оставалось возложить упованіе на помощь Россіи, сначала общественной, а потомъ и всего государства. Война съ турками стала какъ бы декорумомъ; дѣйствительная борьба велась противъ Россіи официальной или Зимняго дворца. М. Г. Черняевъ, будучи сербскимъ главнокомандующимъ, на самомъ дѣлѣ, продолжалъ ту дѣятельность, которую незадолго передъ тѣмъ велъ въ качествѣ издателя „Русскаго Мира“. Его начальникомъ штаба былъ другой сотрудникъ этой газеты: В. В. Комаровъ...

...Практическимъ человѣкомъ М. Г. не былъ, онъ жилъ воображеніемъ. Его вѣчно окружалъ сонмъ людей, которые поддакивали его фантазіямъ и овладѣвали его довѣрчивостью. Подобно знаменитому герою Сервантеса, М. Г. не признавалъ препятствій, всю жизнь сражался съ злыми геніями и великанами, изнемогалъ въ борьбѣ и вѣчно ходилъ съ помятыми боками. У него, какъ полководца, волевые способности несомнѣнно преобладали надъ критическими, сердце—надъ разумомъ. Но именно этою отзывчивостью, главною чертою его характера, и объясняется тайна какъ его колоссальныхъ успѣховъ, такъ и за ними слѣдовавшихъ столь же необыкновенныхъ неудачъ. Къ чистому человѣку грязь не пристаётъ. М. Г. погружался въ омутъ политики по самое горло, къ нему прилѣплялись личности самыя темныя, но ни одна пылинка не пристала къ его, украшенной Св. Георгіемъ, груди. Самые завзятые враги,—у него ли ихъ не было—и тѣ не могли услѣдить въ немъ корыстнаго побужденія. Это былъ человѣкъ высокой души и безсребренникъ въ полномъ значеніи слова. „Васъ знаетъ вся Россія“, сказалъ Черняеву Императоръ Александръ III. Непонятно, какъ могли люди, близко его знавшіе, поставить его на высокій административный постъ, гдѣ практическій смыслъ и выдержка необходимы, удивляться, что онъ понадѣлалъ промаховъ, а потомъ преслѣдовать его и колотъ этими промахами почти до самой гробовой доски ¹⁾).

Съ обычною правдивостью, въ живыхъ краскахъ, въ донесеніяхъ своихъ рисовалъ Карцовъ картину того положенія, въ которое попала Сербія. Эгоизмъ и малодушіе князя Милана, алчность митрополита Михаила, приемы Ристича, исполненные коварства, чисто восточные, онъ безпощадно выводилъ на свѣжую воду, разоблачалъ тенденціозную лживость газетныхъ извѣстій, обнаруживалъ систематическія попытки славянскихъ комитетовъ официальному представительству отдавливать ногу. Не умолчалъ онъ и о такихъ фактахъ,

¹⁾ Ю Карцовъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. Стр. 53, 54, 55, 56.

когда сербскіе солдаты покидали раненныхъ русскихъ офицеровъ, сами дезертировали или прибѣгали къ членовредительству. О писательской манерѣ Карцова секретарь Н. Н. Лодыженскій отзывался такъ: „А., Н. изобразилъ Сербію въ видѣ темнаго пятна, но онъ не указалъ просвѣта, куда бы можно направиться“. Но Карцовъ считалъ дѣломъ чести избѣгать всего, что смахивало бы на политику личную. Онъ старался собрать матеріалъ безпристрастный и обильный, но онъ его, какъ дипломаты поступаютъ нерѣдко, съ намѣреніемъ—вызвать то или иное рѣшеніе, не подтасовывалъ.

Образъ дѣйствій Карцова, выставившій движеніе въ настоящемъ свѣтѣ, лицамъ, стоявшимъ во главѣ его, пришелся очень не по вкусу. Старинный благожелатель Карцова, ген. Н. П. Игнатьевъ, исходя изъ точки зрѣнія, что есть вещи, которыя высказывать нельзя, а еще менѣе надъ которыми—себѣ позволять иронизировать, въ письмѣ отъ 25 октября 1876 г. откровенно выразилъ ему неодобреніе:

„Мнѣ прискорбень *разладъ*, существующій между вами и многими изъ русскихъ добровольцевъ. Мы переживаемъ историческую эпоху, въ которую не только всѣ русскіе, но всѣ славяне должны дѣйствовать единодушно, позабывъ всю мелочь житейскую и дризги людскія, а помнить лишь, что мы окружены врагами, пользующимися каждою слабостью нашею и единовѣрцевъ нашихъ. Ваши донесенія написаны прекрасно, но въ нихъ проглядываетъ какое-то презрѣніе сербскому народу и глумленіе надъ борющимися за правое дѣло. Остричь можно надъ нашими единовѣрцами, но не въ такую минуту, когда затронуты самые существенные интересы *наши* на Востокѣ. Правительству необходимо знать истину положенія вещей, и въ этомъ отношеніи вы совершенно основательно обращаете вниманіе на темную сторону дѣла. Гнусныхъ людей, къ сожалѣнію, слишкомъ много на свѣтѣ. Но Ристичъ, Мишковичъ и К°, даже вся мѣстная Бѣлградская интеллигенція *не* сербскій народъ, за котораго русскіе добровольцы кровь свою проливали, и котораго мы ни бросить, ни оттолкнуть отъ себя не можемъ...

„Лишь заклятые враги наши (политическіе), партія Митхада, англичане и венгерцы могутъ стараться *раздуть* весьма понятныя раздраженія и преппирательства между сербами и нашими добровольцами. Почва подготовлена для удачнаго дѣйствія ихъ агентовъ. Тѣмъ болѣе должны мы напрячь усилія наши для противодѣйствія. Со свойственною вамъ ловкостью, вы найдете—нѣтъ сомнѣнія—возможность сгладить шероховатости и способствовать возстановле-

нію єдинодушія. Не можетъ быть, чтобъ въ Сербіи не нашлись дѣйствительные патріоты, люди разумные, которые не взяли бы одолѣть нынѣшнее броженіе, внушивъ народу убѣжденіе, что вся будущность Сербіи теперь — больше чѣмъ когда-либо — связана съ Россією и отъ нея одной зависитъ. Удастся ли врагамъ славянства посорить сербовъ съ русскими серьезно, и Сербія пропадетъ между Венгрією и Турцією. Выдержитъ сербскій народъ настоящій кризисъ непоколебимо, вѣря въ Россію и слушая насъ — настанетъ часъ успѣха и мщенія, и славянство несомнѣнно одолѣетъ враговъ своихъ“.

Вдаваясь въ тонъ славянофильской идеологіи и принимая, не поддающіяся учету, племенные *Wahlverwandschaften* за реальную единицу силы, Н. П. Игнатьевъ только уплачиваетъ дань духу времени. Заступничество Россіи за славянъ-единовѣрцевъ, такимъ образомъ, переставало уже быть актомъ политическаго разсчета и свободной воли, а превращалось въ нравственное обязательство характера безусловнаго. Невозможность порѣшить вопросъ мѣстными средствами рельефно выставляла наше безсиліе, народное терпѣніе искушала, втягивала насъ и, въ результатъ, дѣлала войну неизбежною. На горькомъ опытѣ, скоро извѣдала Россія: благотѣлствовавіе и здравая утилитарная политика суть два понятія, которыя далеко не синонимы.

ГЛАВА VI.

Карцовъ въ Петербургѣ.—Совѣщаніе 16-го ноября 1875 г.—Карцовъ предлагаетъ двѣ дивизіи расформировать и отправить въ Сербію.—Рѣзкій отпоръ великаго князя Николая Николаевича.—Аудіенція Карцова у Императрицы Маріи Александровны.—Положеніе Карцова поколеблено.—Командированіе генерала Никитина въ Сербію.—Неуспѣхъ его миссіи.—Сербы пробуютъ выманить у Никитина милліонъ.—Столкновеніе Карцова съ Никитинымъ.—Отозваніе Никитина.—Доность Снѣсарева.—Константинопольская конференція.—Генераль П. П. Игнатьевъ и графъ Андрани.—Каверза Милана.—Дѣятельность „Одбора“.—Равнодушіе петербургскихъ сферъ къ „Одбору“.—Частное письмо Карцова Гирсу, показанное Государю.—Генераль Фадѣевъ въ Бѣлградѣ.—Политика невмѣшательства въ сербскія дѣла.—Отозваніе Карцова изъ Бѣлграда.—Причины его паденія.—Карцовъ—генеральный консулъ въ Парижѣ.—Его значеніе и популярность.—Выходъ въ отставку, болѣзнь, кончина и погребеніе.—Отзывъ газеты „Temps“.

Въ первыхъ числахъ ноября 1876 г. выѣхалъ А. Н. Карцовъ съ женою изъ Бѣлграда. На пароходѣ съ нимъ вмѣстѣ ѣхали: сербскій чрезвычайный уполномоченный Мариновичъ, французскій дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ де-Кержагю; дѣлопроизводитель азіатскаго департамента Григорій де-Волланъ, корреспондентъ Юлій Шрейеръ и пишущій эти строки. Въ Вѣнѣ онъ засталъ Новикова въ настроеніи крайне угнетенномъ, подавленнымъ обвиненіями печати, упрекавшей его въ недостаткѣ патріотизма и угодничествѣ передъ Австріею. Получивъ отъ него экспедицію, приѣхавъ въ Петербургъ, Карцовъ прямо съ поѣзда явился къ князю Горчакову. Канцлеръ немедленно доложилъ Государю: „M. Kartzow est chez moi, mais en habit de voyage. Marinovitch est à St. Pétersbourg. Quels sont les ordres de Votre Majesté Impériale pour les recevoir demain ou tout autre jour? J'ai dit à Kartzow de se présenter à Monseigneur le grand Duc Nicolas dès qu'il aura été aux pieds de Votre

Majeste“. На докладѣ высочайшая резолюція: „Il peut le faire dès à présent“. Въ тотъ же день послѣ полуночи Карцовъ былъ принятъ великимъ княземъ и изложилъ его высочеству безпомощное положеніе Сербіи и необходимость защитить ее, въ виду угрожающаго турецкаго войска.

Въ автобіографической замѣткѣ вотъ какъ рассказываетъ Карцовъ прибытіе въ Петербургъ, первые шаги и впечатлѣнія:

„Въ ноябрѣ Карцовъ былъ вызванъ въ Петербургъ, имѣлъ въ Царскомъ Селѣ нѣсколько аудіенцій у Государя и тамъ же, 16-го того же мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ подѣ личнымъ Его Величества предсѣдательствомъ. Здѣсь Карцовъ громко вновь высказалъ мнѣніе, что желаемой цѣли можно достигнуть безъ официального разрыва съ Портою, на что получилъ рѣзкое возраженіе отъ великаго князя Николая Николаевича, уже тогда назначеннаго главнокомандующимъ. Государь же предоставлялъ свободно высказываться всякому. Между прочими мѣропріятіями, на совѣщаніи этомъ было рѣшено командированіе въ Бѣлградъ, для военной организаціи Сербіи, комиссіи подѣ начальствомъ ген.-лейтенанта Никитина и ассигнованіе милліона рублей на расходы по этой организаціи, но подѣ контролемъ Карцова и специально командированнаго чиновника министерства финансовъ—Рихтера“.

Военно-дипломатическое совѣщаніе 16-го ноября происходило въ синей изразцовой залѣ. Государь Александръ Николаевичъ къ Карцову по-прежнему относился весьма милостиво: передѣ засѣданіемъ, прогуливаясь съ нимъ по залѣ, онъ рассказалъ ему ея исторію, относящуюся къ эпохѣ Императрицы Екатерины II. Въ совѣщаніи принималъ участіе и будущій завѣдывающій Гражданскимъ Управленіемъ въ Болгаріи—князь В. А. Черкасскій. Воспользовавшись удобною минутою, Карцовъ попросилъ слова и предложилъ—расформировать двѣ дивизіи и отправить ихъ въ Сербію. Недовольнымъ тономъ перервалъ его великій князь Николай Николаевичъ: „Это было бы несогласно съ военною дисциплиною и совершенно невозможно“. Оставшись съ княземъ Горчаковымъ наединѣ, Карцовъ обратился къ нему съ вопросомъ: „je crois que j'ai fait une gaffe?“ „Pas du tout, mon cher“, отвѣчалъ старый канцлеръ „nous étions là pour dire notre opinion“.

Вслѣдъ затѣмъ, Карцовъ былъ принятъ Императрицею Марією Александровною. Аудіенція длилась чрезвычайно долго. Государыня разспрашивала про общее положеніе Сербіи, а въ особенности про дѣятельность санитарнаго отряда Краснаго Креста и уполномоченнаго тайнаго совѣтника Токарева. Газеты нападали на Токарева за скаредность и обвиняли его въ корыстолюбіи. Токарева Карцовъ ха-

рактизоваль какъ чиновника-формалиста, но человека честнаго и добросовѣстнаго. Въ эту минуту изъ-за ширмы показалась стройная фигура самого Государя.

— Ну что, доволенъ ли ты мною?—благосклонно обратился онъ къ Карцову.

— Ваше Императорское Величество! нельзя было добрѣе и милостивѣе отнестись къ Сербіи.

— Я назначилъ въ твое распоряженіе милліонъ рублей.

— Ваше Императорское Величество! осмѣлюсь просить особаго чиновника для отчетности.

— Ну, это ты устройся съ Рейтерномъ.

Несмотря на милостивое обращеніе Государя, Карцовъ на этотъ разъ оставлялъ Петербургъ уже не съ прежнею увѣренностью. Наслѣдникъ цесаревичъ былъ съ нимъ холодець и не сказалъ ему ни слова. Въ отношеніяхъ Императрицы Маріи Александровны и графини А. Д. Блудовой чувствовалась сдержанность, которой раньше не было. Въ свою очередь, Государыня Императрица жаловалась на Карцова—онъ рѣзкостью сужденій перешелъ черту придворнаго этикета и ее шокировалъ. „Il est trop passionné“, говорила она потомъ про него. Въ дѣйствительности, Карцовъ былъ виноватъ тѣмъ, что въ донесеніяхъ своихъ, показавъ сербовъ, каковы они на дѣлѣ, онъ неосторожно задѣлъ сантиментальныя чувства высокопоставленныхъ патріотовъ и разорвалъ пелену условнаго обмана, въ славянофильскихъ кругахъ считавшагося обязательнымъ.

Въ составъ отъѣзжавшей въ Сербію чрезвычайной военной миссіи вошли: генералъ Никитинъ, съ нимъ три офицера: полковники Шепелевъ, Бобриковъ и Снѣсаревъ. Въ качествѣ финансоваго контролера былъ назначенъ товарищъ и однокурникъ по лицу—А. А. Рихтеръ. Расходованіе суммъ должно было производиться коллегіально Карцовымъ, генераломъ Никитинымъ и сербскимъ военнымъ министромъ Груичемъ.

Въ Петербургѣ ублажали себя мыслью—Сербія кругомъ обязана Россіи, которая только-что предъявленіемъ Турціи ультиматума остановила побѣдоносное турецкое войско. Братскую помощь Россіи,—въ какихъ бы размѣрахъ и формѣ она ни послѣдовала,—сербы должны были принять съ восторгомъ.—Между тѣмъ, Сербіи угрожала опасность,—по окончаніи перемирія, турки вторгнутся, пройдутъ по странѣ и разорять ее до тла. Въ эту минуту, графъ Андраши далъ понять Сербіи—фактически ея судьбами располагаетъ Австро-Венгрія, а не Россія. Князь Миланъ въ промеморіи заявляетъ русскому дипломатическому агенту:

„Князь считаетъ своею обязанностью довести до свѣдѣнія князя

Горчакова,—графъ Андраши уполномочилъ Мариновича откровенно подъ секретомъ передать князю Милану,—буде Россія захочетъ воспользоваться Сербією, какъ операціонною базою для прохода войскъ, Австро-Венгрія подобное дѣйствіе приметъ за нарушение Парижскаго трактата, въ свою очередь, симъ трактатомъ, по существу нарушеннымъ, въ отношеніи Сербіи не будетъ себя считать связанною. Этого мало: изъ словъ графа Андраши выходитъ, въ случаѣ войны Россіи съ Турцією, Австро-Венгрія сохраняетъ власть и право оккупировать Сербію, даже если бы русскія войска и не прошли бы черезъ сербскую территорію“.

Итакъ Сербіи грозила бѣда не только со стороны Турціи, но, въ предположеніи предостереженія графа Андраши были не пустою угрозою, и со стороны, яко бы русской союзницы, Австро-Венгрии. Ну, а генераль Никитинъ, кромѣ собственной особы, трехъ офицеровъ и милліона рублей денегъ, что же приносилъ онъ Сербіи? Несмотря на высокій рангъ и официальные полномочія, по существу онъ былъ такой же *agent provocateur*, какъ и его предшественникъ—генераль Черняевъ. Въ промеморіи князь Миланъ обращаетъ вниманіе русскаго правительства—общественное мнѣніе въ Сербіи болѣе чѣмъ когда-либо настроено противъ войны и единственно надежда на общность дѣйствій съ Россією можетъ заставить Сербію воевать. А потому, князь Миланъ настаивалъ, чтобы до 20-го декабря двѣ русскія дивизіи высадились въ Кладово.

Но, какъ мы видѣли, на совѣщаніи 16-го ноября предложеніе Карцова—расформировать и послать въ Сербію двѣ дивизіи—вызвало рѣзкое замѣчаніе великаго князя Николая Николаевича. Очень понятно, Карцовъ вторично не сунулся и настояніе князя Милана въ Петербургъ не передалъ. Что же бы, однако, вышло, если бы въ самомъ дѣлѣ, двѣ дивизіи, въ видѣ пассажировъ, были переправлены въ Сербію? Осталось ли бы турецкое войско въ бездѣйствіи или перешло бы въ наступленіе? Ограничилась ли Австро-Венгрія выраженіемъ неудовольствія, или ей противодѣйствіе получило бы характеръ болѣе опредѣленный? Все это вопросы, разумѣется, гадательные. Съ чисто военной точки зрѣнія, эти двѣ дивизіи для сербской милиціи послужили бы кадрами, и такимъ способомъ въ Сербіи образовалась бы значительная сила, которая на ходъ событій возымѣла бы вліяніе весьма важное. Уже одно то, что Сербія приковала бы къ себѣ вниманіе Виддинскаго корпуса Османа-паши и помѣшала бы движенію къ Плевнѣ.

Съ первыхъ шаговъ генерала Никитина въ Бѣлградѣ наглядно проявилась ложность его положенія. Въ промеморіи, написанной,

надо думать, по внушенію Карцова и предназначенной для сообщенія совѣту министровъ, цѣль и характеръ миссіи генерала Никитина князь Миланъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ виду неизвѣстности, что принесетъ съ собою (Константинопольская) конференція—войну или миръ, Россія желала бы предохранить Сербію отъ нашествія турокъ. Посему на г. Карцова возложено, совмѣстно съ генераломъ Никитинымъ, который спеціально присланъ для военной организаціи съ матеріальными средствами *ad hoc*, сговориться съ сербскимъ правительствомъ о мѣрахъ къ предотвращенію опасности. Г. Карцовъ заявляетъ категорически: Россія въ данную минуту никакой стратегической выгоды не ищетъ и, въ случаѣ войны съ Турціею, можетъ вполне обойтись безъ содѣйствія Сербіи. Полная свобода предоставляется Сербіи—принять или отклонить русскія предложенія. Если Сербія думаетъ обойтись собственными средствами, пусть она заявитъ тотчасъ, и Россія избѣгнетъ крупныхъ расходовъ. Если же Сербія русскую помощь принимаетъ, русское правительство ожидаетъ отъ сербскаго правительства поддержку откровенную и честную“.

Вопросъ—желательны ли сербамъ услуги генерала Никитина или нѣтъ—Карцовъ ставилъ ребромъ и вынуждалъ сербское правительство на него отвѣтить. Если да,—генералъ Никитинъ немедленно приступитъ къ дѣлу, если нѣтъ,—ему ничего не останется, какъ изъ Бѣлграда выѣхать. Дѣйствуя столь рѣшительно, Карцовъ не хотѣлъ генералу Никитину дать запутаться въ сербскихъ интригахъ, подобно тому, какъ, десять лѣтъ спустя, сдѣлался жертвою болгарскихъ козней другой русскій генералъ—Н. В. Каульбарсъ.

Сербскіе министры, конечно, весьма рады были бы отъ генерала Никитина отдѣлаться, но съ другой стороны, чрезвычайно лакомымъ имъ представлялся привезенный генераломъ милліонъ. И вотъ для русскихъ денегъ придумываются разныя помѣщенія. Въ автобіографической замѣткѣ, на этотъ счетъ, мы находимъ подробности весьма любопытныя.

...Никитинъ выказалъ такую безтактность, что Карцовъ былъ всецѣло возмущенъ его направленіемъ и образомъ дѣйствій. Съ сербскими интендантами онъ держалъ себя какъ бы подчиненный, чѣмъ послѣдніе пользовались для возможно быстрѣйшаго расхищенія русскаго милліона и, подъ предлогомъ вооруженій, дѣлали на этотъ фондъ заказы: въ Венгрію сѣна, которымъ изобиловала сама Сербія, безсмысленный въ Буда-Пештѣ заказъ восьми тысячъ резиновыхъ калошъ и т. п. Самъ онъ, безъ стыда, выпросилъ себѣ, по случаю Новаго года, сербскую ленту. Обо всемъ этомъ Карцовъ

извѣщалъ государственнаго канцлера, и уже съ начала февраля Никитинъ и его комиссія были отозваны. Рихтеръ увезъ обратно въ Россію около 850 тыс., оставшихся отъ милліона. Уличенный въ неудачномъ своемъ выборѣ, военный міръ изобличителю своему этого не простилъ. Пошли по Петербургу всякія сплетни и навѣты, имѣвшіе цѣлю дискредитировать Карпова во мнѣніи Государя. Съ другой стороны и Миланъ былъ золъ на него за высылку обратно въ Россію почтенныхъ остатковъ русскаго милліона“.

Съ генераломъ Никитинымъ Карповъ не церемонился и въ глаза высказывалъ ему горькую правду. Одинъ изъ сподвижниковъ Никитина, полковникъ Снѣсаревъ не побрезгалъ подать на Карпова доносъ,—будто онъ публично напивается пьянымъ. По приказанію князя Горчакова, старшій совѣтникъ А. С. Ангельгардтъ, по предмету доноса, запросилъ Карпова шифромъ. Тотъ отвѣчалъ приблизительно такъ: „Поводомъ къ обвиненію послужилъ военный завтракъ въ Топчидере. Присутствовавшіе много пили, въ томъ числѣ—князь Миланъ. Почувствовавъ себя нехорошо, я удалился въ кабинетъ родственника князя, Германи, и посидѣлъ немного въ креслахъ“.

На требованія конференціи державъ въ Константинополѣ Порты отвѣтила отказомъ. Результатъ этотъ неожиданнымъ не былъ, и его предвидѣлъ генераль Игнатъевъ, когда въ письмѣ отъ 25-го октября 1876 г. онъ писалъ Карцову:

„...Васъ извѣстили, конечно, изъ Ливадіи касательно установленной программы дѣйствій. Государь въ Москвѣ. Тамъ будетъ объявлена мобилизація войскъ южныхъ округовъ. Къ концу перемирія мы будемъ готовы вступить за нашихъ единовѣрцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, если дѣло не устроится на конференціи. Англія предложила созвать конференцію въ Константинополѣ на основаніи прежнихъ *bases anglaises*. Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Мѣсто выбрано неудачно“.

Постановленіями константинопольской конференціи болѣе всѣхъ остался недоволенъ графъ Андраши. Онъ находилъ, что они явно направлены въ ущербъ независимости и развитію греческаго населенія и въ поощреніе исключительно „русскихъ и всеславянскихъ интересовъ“. Тѣмъ не менѣе, протоколы конференціи, включая статью о границахъ автономной Болгаріи, австрійскіе уполномоченные, съ видимою неохотою, но все-таки подписали.

Что же вѣнскій кабинетъ заставляло поступать наперекоръ убѣжденію? Дѣло въ томъ, что согласіе Австро-Венгріи имѣло значеніе казовое *pro forma*. О томъ, что на Балканскомъ полуостровѣ она не допуститъ образованія ни славянскаго, ни иного значитель-

наго государства—Австро-Венгрія заявляла и въ Рейхштадтѣ на свиданіи монарховъ, и царскому посланцу графу Сумарокову-Эльстонъ, и канцлеру князю Горчакову, и русскому послу въ Вѣнѣ—Новикову. Если же въ Константинополѣ на конференціи она приступила къ общей программѣ,—сдѣлала она это, единодушія державъ яко бы не желая разстраивать. Не вѣрнѣ ли предположить: коснувшись больного мѣста, австрійская дипломатія побоялась возбудить подозрительность генерала Игнатьева и навести его на слѣдъ переговоровъ, которые, за его спиною, между Петербургомъ и Вѣною велись сокровенно. Когда же, годъ спустя, о существованіи секретной конвенціи 3-го января 1877 года узналъ генералъ Игнатьевъ, онъ возмущенъ и совершившемуся факту покориться не захотѣлъ. Какова бы ни была юридическая сила конвенціи,—для генерала Игнатьева словно ея не было вовсе: она была *nulle et non avenue*. Единственно законными онъ признавалъ акты Константинопольской конференціи, одобренные и подписанные представителями шести великихъ державъ. Въ мартѣ 1878 года онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ по вопросамъ Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи съ графомъ Андраши у него произошло продолжительное и чрезвычайно бурное объясненіе. Замѣчательное диалектическое искусство генерала Игнатьева разбилось о предубѣжденіе его противника. Держась точекъ зрѣнія совершенно различныхъ,—одинъ Константинопольской конференціи, другой—Рейхштадтскаго соглашения и конвенціи 3-го января 1877 года, генералъ Игнатьевъ и графъ Андраши изображали двѣ параллельныя линіи, которыя не сходятся уже потому, что онѣ параллельны.

Покончивъ съ генераломъ Никитинымъ, Карцовъ дѣйтельно принялся отсылать добровольцевъ въ Россію, раздавать пособия раненымъ и т. п. При генеральномъ консульствѣ было основано благотворительное общество, получившее по-сербски названіе „Одборъ“. Въ составъ его вошли: Карцовъ, Лодыженскій и Рихтеръ. Миланъ и Ристичъ, потерявъ надежду что-либо отъ Россіи получить, начали творить пакости. Миланъ, воспользовавшись довѣрчивостью Карцова, подвелъ его безсовѣстнѣйшимъ образомъ. Про эту каверзу Милана въ автобіографической замѣткѣ Карцовъ повѣствуетъ:

„...Миланъ просилъ Карцова не отказать ему въ личной поддержкѣ передъ политическими дѣятелями, изъ которыхъ онъ замыслилъ образовать новое (министерство). Считая людей, намѣченныхъ княземъ, подходящими къ обстоятельству, Карцовъ довѣрчиво отнесся къ просьбѣ и успѣшно ее исполнилъ, какъ вдругъ получилъ отъ канцлера телеграмму слѣдующаго содержа-

nia: Empereur vous défend de vous mêler de la politique intérieure de la Serbie.

Грозное высочайшее повелѣніе объяснялось тѣмъ, что, съ одной стороны, упрасывая Карцова привлечь въ новую министерскую комбинацію такихъ-то, Миланъ одновременно поручилъ своему агенту въ Петербургѣ спросить канцлера—дѣйствительно ли Императорское правительство настаиваетъ на томъ, чтобы такіе-то сдѣлались министрами?..

...Много лѣтъ спустя, съ тѣмъ же Миланомъ, уже отставнымъ королемъ, завтракая вдвоемъ въ Café Anglais, Карцовъ вызвалъ своего развѣнчаннаго собесѣдника на откровенное объясненіе по этому плачевному эпизоду. „Eh bien, franchement, mon cher Kartzow, j'en avais assez de votre joug et de votre tutelle, qui me pesaient par trop, et je vous ai imaginé cette crasse, spéculant sur votre nervosité qui vous amènerait à quelque coup de tête“.

22-го марта 1877 г. на Бѣлградскихъ улицахъ были расклеены объявленія о томъ, что добровольцы должны покинуть Сербію въ 48 час., въ противномъ случаѣ, они будутъ посажены въ тюрьму. Если бы не „Одборъ“, который поспѣшилъ на помощь, положеніе добровольцевъ опазалось бы самое безвыходное. На „Одборъ“ и его дѣятелей распространялись клеветы и сыпались обвиненія. Такъ, напримѣръ, сербскія газеты утверждали, что Рихтеръ не русскій, а нѣмецъ. Только благодаря тому, что Карцовъ озаботился для отчетности выпросить чиновника министерства финансовъ, онъ избѣгъ обвиненія въ лихоимствѣ.

Труды „Одбора“ прошли въ Петербургѣ незамѣченными. Ликвидировать наслѣдство военнаго времени—занятіе столь же безотрадное, какъ прибирать битую посуду, мести и вентилировать комнату послѣ кутежа. Рихтеръ писалъ Карцову отъ 4-го іюля 1877 г.

„...Всѣ отчеты по „Одбору“ я сдалъ вмѣстѣ съ привезенными обратно деньгами. Все оказалось въ полномъ порядкѣ (для казны, а не для меня: я приплатилъ крѣпко). Полагаю, что и контроль, куда счета уже поступили, не найдетъ къ чему придратъся. Подписи твоей на счетахъ „Одбора“ не потребовалось. Вмѣсто одобренія, о которомъ ты помазалъ меня по губамъ, я встрѣтилъ здѣсь политѣйшее равнодушіе и ѣду завтра на подножный кормъ въ деревню“.

Подъ гнетомъ, окружавшихъ его, тяжелыхъ обстоятельствъ, Карцовъ товарищу министра, Н. К. Гирсу написалъ письмо, на заголовкѣ котораго стояло: личное и довѣрительное. Тѣмъ не менѣе, Гирсъ счелъ нужнымъ показать его канцлеру, тотъ—Государю. Карцовъ имѣлъ неосторожность напомнить—въ свое время—онъ пред-

лагалъ расформировать двѣ дивизіи и отправить ихъ въ Сербію. Противъ этого мѣста значилась высочайшая отмѣтка:—это было бы неприлично.—Затѣмъ, онъ описывалъ денежную нечистоплотность, господствовавшую въ добровольческомъ станѣ, и выражалъ сожалѣніе, что великое дѣло освобожденія христіанъ позорится подобными явленіями. Государь поставилъ высочайшее „да“ съ восклицательнымъ знакомъ. Какъ въ послѣдствіи оказалось, разоблаченія Карцова, затрогивавшія честь военнаго мундира, очень не понравились военному министру Д. А. Милютину, тогда всемогущему. Гирсъ отвѣчалъ письмомъ отъ 4-го марта 1877 г.:

„Хотя письмо ваше отъ 12 февр. 1877 г. совершенно довѣрительно и *personnelle*, но въ виду важности изложенныхъ вами фактовъ, объясняющихъ весьма обстоятельно положеніе дѣлъ и направленіе, которому вы слѣдовали—я не могъ не сообщить его канцлеру. Я увѣренъ, что этимъ оказалъ я и лично вамъ услугу, потому что объясненія ваши по многимъ предметамъ, доходившимъ сюда косвенными путями, показываютъ правильность вашихъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣній, что положеніе ваше было крайне затруднительно и уберечься отъ несприятностей было почти невозможно, въ особенности при такомъ наплывѣ соотечественниковъ всякаго свойства. Неудивительно, что между ними нажили вы себѣ нѣсколько враговъ...

...Повидимому, мы приближаемся къ мирному исходу настоящаго кризиса. Поѣздка Игнатьева будетъ, вѣроятно, успѣшна, но затрудненія, встрѣчаемыя въ переговорахъ между Турціею и Черногоріею, могутъ испортить дѣло...

...Какъ я уже о томъ телеграфировалъ, Протичъ не имѣетъ почти никакихъ сношеній съ нашимъ министерствомъ, и никто у насъ и не думалъ давать одобрительные отзывы о Ристичѣ, котораго продолжаемъ мы считать вреднымъ человѣкомъ. Только при настоящихъ обстоятельствахъ канцлеръ не считаетъ удобнымъ заботиться о его низверженіи и, вообще, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи“.

Отъ 24-го апрѣля 1877 г. Гирсъ пишетъ Карцову.

„Изъ послѣднихъ вашихъ телеграммъ вижу, что вы очень озабочены настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Сербіи и присутствіемъ тамъ Фадѣева; это очень понятно, тѣмъ болѣе, что послѣднее время сношенія ваши съ Петербургомъ были довольно рѣдки.—Дѣло въ томъ, что послѣ разгрома несчастной Сербіи, у насъ болѣе помышляютъ о томъ, какъ бы дать ей возможность залечить свои раны и не втягивать ея въ новыя затрудненія. Между тѣмъ, явился туда Богъ знаетъ какъ и по чьему наущенію Фадѣевъ, о поѣздкѣ кото-

раго въ Сербію мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Подобно Черняеву, онъ подстрекаетъ, конечно, на войну, но вы уже знаете, что никакого порученія отъ насъ онъ не получалъ.—Вы, слѣдовательно, весьма правильно поступили, противодѣйствуя по возможности его проискамъ.

...Поступокъ сербскаго правительства съ графомъ Марковымъ дѣйствительно гадокъ; это не скрылъ я отъ Протича, которому высказалъ всю злобу на Ристича. При другихъ обстоятельствахъ мы были бы гораздо болѣе взыскательны, но теперь не пожелали увеличивать затрудненія князя Милана“.

Хотя Гирсъ выше и увѣрялъ, что министерство не имѣетъ почти никакихъ сношеній съ Протичемъ, однако, онъ съ нимъ бесѣдовалъ и выражалъ ему „злобу“ на Ристича. Злоба, впрочемъ, платоническая, ибо противъ Ристича какихъ-либо дѣйствій министерство предпринимать было не намѣрено. Относительно Фадѣева, Гирсъ отзывается невѣдѣніемъ и старается, главнымъ образомъ, установить непричастность самого министерства. Вообще, послѣднія его два письма производятъ впечатлѣніе отбоя. Сербія отступаетъ на второй планъ, ея мѣсто, въ заботахъ русскаго правительства, занимаетъ Болгарія.

По многимъ признакамъ чувствуя приближеніе немидости, Карцовъ хотѣлъ ее предупредить и просилъ министерство перевести его генеральнымъ консуломъ куда-нибудь въ Европу. Но катастрофы избѣжать ему не удалось: весною 1876 г. послѣдовало его отозваніе. Будучи по характеру человѣкомъ весьма скромнымъ, Карцовъ никогда и не мечталъ о руководящей роли въ политикѣ. Онъ совѣстливо исполнялъ приказанія своего начальства, а самъ въ донесеніяхъ, чрезвычайно остроумныхъ, давалъ живую картину того, что происходитъ на мѣстѣ. Все шло какъ по маслу: за нимъ утвердилась репутація талантливаго писателя и ловкаго агента. Но вотъ, подъ дуновеніемъ вихря событій, аппаратъ въ центрѣ пересталъ давать опредѣленные отвѣты. Всѣ усилія Карцова добиться ясной директивы были напрасны. При такихъ условіяхъ, спасти, если не дѣло, то себя лично, можно было, только примкнувъ къ одному изъ направленій, чтобы съ нимъ вмѣстѣ выплыть или потонуть. Про Н. П. Шишкина, бывшаго генеральнымъ консуломъ въ Вѣлградѣ передъ А. Н., секретарь Н. Н. Лодыженскій говорилъ: „Этотъ навѣрно бы выславъ Черняева“. Иначе смотрѣлъ П. А. Сабуровъ: „Vous auriez dû, сказалъ онъ А. Н., vous encauiller avec les Serbes comme Ionine s'est encauillé avec les Monténégrins“. Н. П. Игнатьевъ говорилъ со свойственною ему импульсивностью: „Развѣ можно все писать? Я замѣтилъ Государю: какъ могли Вы, Ваше Императорское

Величество, такъ отозваться о сербахъ въ вашей рѣчи въ Кремль? А Государь мнѣ въ отвѣтъ: это меня сбилъ Карцовъ“. Но А. Н. въ томъ именно и ставилъ *point d'honneur*, что онъ исполнитель воли правительства, а не человѣкъ партіи. Въ концѣ концовъ, все противъ него возстало; онъ оказался виновнымъ передъ всѣми. Зимой 1876—1877 г.г. въ Петербургѣ находился сербскій министръ Мариновичъ. Когда ему поставили на видъ, что Сербія начала войну, не испросивъ разрѣшенія русскаго правительства, Мариновичъ вывелъ А. Н. на свѣжую воду, чѣмъ окончательно погубилъ его во мнѣніи Императора Александра II. Представлять оправданія для А. Н. было бы бесполезно: оправдаться онъ не оправдался бы, а развѣ бы подвелъ бы другихъ и тѣмъ лишился послѣднихъ доброжелателей. Партія дѣйствія имѣла противъ А. Н. острый зубъ за его нѣсколько проницательное отношеніе къ славянскимъ комитетамъ и добровольческой пугачевщинѣ. Военный министръ Д. А. Милютинъ не прощалъ изобличеній и считалъ задѣтою честь военнаго мундира. Императрица Марія Александровна пожертвовала на Красный Крестъ въ Сербіи 30.000 р. Боясь держать столь крупную сумму въ консульствѣ, А. Н. помѣстилъ ее въ Вѣнскій банкъ, намѣреваясь черпать по мѣрѣ надобности. Государыня Императрица приняла это будто А. Н. отослалъ деньги, потому что не сочувствовалъ пожертвованію. „Если бы вы просто положили эти деньги въ карманъ, говорили А. Н. потомъ въ министерствѣ, вы бы такъ себѣ не повредили, какъ тѣмъ, что ихъ положили въ банкъ“.

Въ его несчастіи не покинули А. Н. и ему остались вѣрными канцлеръ князь Горчаковъ и его товарищъ Н. К. Гирсъ. Они видѣли въ немъ честнаго человѣка, усерднаго чиновника, жертву сложныхъ политическихъ обстоятельствъ и ихъ собственной несостоятельности. Желаніе А. Н. было исполнено, онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ сначала въ Неаполь, а потомъ и въ Парижъ¹⁾.

Пребываніе Карцова въ Бѣлградѣ, политическія его удачі, разочарованія и провалъ мы изложили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прослѣдили двойственную негоціацію, которую князь Горчаковъ велъ параллельно: съ европейскимъ концертомъ и Англіею черезъ посредство генерала Игнатьева, и отъ него втайнѣ, съ Австро-Венгріею самолично, при чемъ Германія занимала положеніе благожелательнаго посредника. Въ слѣдующей заключительной главѣ мы опишемъ роковыя для Россіи послѣдствія извилистой политики стараго Макіавеля. Но,

¹⁾ Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на ближнемъ востокѣ. Стр. 56, 57, 58.

прежде чѣмъ съ Карцовымъ навсегда разстаться, сначала остановимся на его дѣятельности, какъ генеральнаго консула въ Парижѣ, затѣмъ, отмѣтимъ наиболѣе яркія черты духовной его физіономіи и, наконецъ, нѣсколько прощальныхъ строкъ мы посвятимъ его болѣзни, послѣднимъ днямъ жизни, преданію тѣла землѣ и свѣтлой о немъ памяти.

Въ 1881 году назначенный въ Парижъ генеральнымъ консуломъ, Карцовъ эту должность исполнялъ вплоть до 1906 года, когда, достигнутый закономъ о предѣльномъ возрастѣ, онъ вышелъ въ отставку. Посольскіе его коллеги, на первыхъ порахъ, опасались было—онъ, въ качествѣ боевого дипломата, противъ искушенія не устоитъ и пустится въ политику. Но Карцова отъ политики тошнило. „*Qu'on me laisse tranquille, j'en ai assez*“, всегда отвѣтствовалъ онъ на призывы къ активной дѣятельности. Парижъ онъ любилъ и разставаться съ нимъ не хотѣлъ. Поэтому отъ всякихъ предложеній перевода или повышенія онъ упорно отказывался.

Но и не переступая тѣсныхъ рамокъ консульской службы, сумѣлъ онъ завоевать и укрѣпить за собою положеніе, которымъ до него не пользовался ни одинъ консулъ. Парижскую почву онъ изучилъ до малѣйшихъ подробностей. Къ нему, очень естественно, то и дѣло, обращались за совѣтами, справками или помощью: и посольство, и командированные представители вѣдомствъ, и частные лица: путешественники или дѣловые люди. Политики онъ избѣгалъ; она сама приходила и заискивалась у него въ кабинетѣ. Прямо отъ посла дѣятеля политики и прессы считали необходимымъ зайти и къ консулу, дабы, сказанное имъ посломъ, съ нимъ совмѣстно, обсудить и передумать. Для себя Карцовъ не искалъ ничего, а, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, былъ нейтраленъ. Обстоятельство это придавало его мнѣніямъ отпечатокъ независимости и безпристрастія. Приѣзжавшіе въ Парижъ, министры иностранныхъ дѣлъ,—Гирсъ, Шишкинъ, графъ Муравьевъ,—въ Карцовѣ видѣли не чиновника и подчиненнаго, а стараго сослуживца и человѣка имъ близкаго. Съ Шишкинымъ и Муравьевымъ Карцовъ былъ на ты. На интимныхъ свиданіяхъ Муравьева съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Делькасса, въ ресторанѣ или въ театрѣ въ ложѣ, Карцовъ обязательно былъ третьимъ.

Французскія власти, относительно Карцова, въ свою очередь, проявляли деликатность самую отмѣнную. Ему былъ пожалованъ большой офицерскій крестъ Почетнаго Легіона,—степень, которая дается обыкновенно только посланникамъ. На память пребыванія во Франціи Государя Николая Александровича, президентъ республики Феликсъ Форъ подарилъ Карцову небольшое изящное изваяніе работы Северскаго завода.

Связи свои и вліяніе Карцовъ эгоистично не приберегалъ, а полностью ихъ предоставлялъ интересамъ службы и соотечественниковъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ, полицейскихъ и судебныхъ, у него были друзья, которые *pour obliger* М. Kartzow дѣлали возможное и невозможное. Сколькихъ баринъ клептоманокъ, вообразившихъ, что въ Луврѣ или *Von Marché*, при страшной давкѣ, за ними никто не слѣдитъ, онъ отъ позора спасъ и помогъ имъ перебраться черезъ границу. Благодаря отношеніямъ съ департаментомъ полиціи, установившимся у него издавна и прочно, нерѣдко удавалось ему посодействовать бѣдному политическому выходцу или же выпутывать онъ изъ бѣды профессора—знаменитость, роскошный экземпляръ кадетской флоры, черезчуръ увлекающагося краснорѣчіемъ. Можно сказать съ увѣренностью, дня не проходило, чтобы на консульскомъ скромномъ своемъ посту Карцовъ словомъ или дѣломъ кому-нибудь да не принесъ пользы.

Къ вечеру часовъ около шести, покончивъ занятія въ консульствѣ, Карцовъ прогуливался по бульварамъ. На каждомъ шагу ему попадались знакомые. Всякій считалъ обязанностью его остановить или на ходу выразить ему привѣтствіе. Въ долгу Карцовъ не оставался и отвѣчалъ любезностью или веселою шуткою. Въ этомъ человѣкѣ былъ ключомъ родникъ жизни и веселья. Куда бы онъ ни явился, онъ съ собою вносилъ атмосферу особенной радости и благодушія. Входитъ Карцовъ въ ресторанъ—передъ нимъ гарсонъ изгибается: „*Excellence, mon Prince*“.—„*Prince ne daigne*“, съ величавымъ жестомъ и потѣшною интонаціею, восклицаетъ Карцовъ. Кругомъ всѣ покатываются со смѣху. Минута, и въ публикѣ по ресторану пронеслась вѣсть: тамъ-то за столикомъ обѣдаетъ М. Kartzow, популярнѣйшій русскій консулъ.

Подобно И. Ѳ. Горбунову, Карцовъ обладалъ комическимъ даромъ рассказывать невѣроятныя вещи и, при этомъ, сохранять невозмутимый видъ. Бывало, совѣтникъ К. М. Нарышкинъ придетъ къ нему, весьма озабоченный, съ бумагою только-что полученною. Вдругъ, читая, онъ замѣчаетъ: Карцовъ будто не слушаетъ, на лицѣ его выраженіе неизъяснимой жалости: „Андрей Николаевичъ, что это вы?“ вопрошаетъ въ недоумѣніи Нарышкинъ. „Не понимаю, Кириллъ Михайловичъ, какъ можете вы беспокоиться о такихъ пустякахъ? Подумайте только: черезъ семь тысячъ лѣтъ кто вспомнитъ объ этой бумагѣ“. „Ахъ, А. Н., вѣчныя шутки“, говоритъ Нарышкинъ, но, посмотрѣвъ на собесѣдника, онъ не выдерживаетъ, досада его пропадаетъ, и смѣхъ имъ овладѣваетъ поневолѣ.

Несмотря на крѣпкій организмъ, Карцовъ постепенно началъ сдаваться. Болѣзнь его—астма уступала леченію, но, съ каждымъ

годомъ, приступы кашля дѣлались настойчивѣе и острѣе. Выйдя въ отставку, Карцовъ поселился въ Онели, на итальянской Ривьерѣ. Мѣсто было выбрано неудачно. Большое заблужденіе думать—больному старику все что нужно—это матеріальный комфортъ, медицинская помощь и заботливый уходъ. Пока въ человѣкѣ живо сознаніе, онъ дорожитъ привычною обстановкою, ищетъ близкихъ людей, мысленно возбуждая, дорогія ему, утѣшающія впечатлѣнія, борется съ ослабѣвющею памятью. Вилла въ Онели, изъ оконъ которой открывался великолѣпный видъ на море, по климату и живописности мѣстоположенія, безъ сомнѣнія, ничего не оставляла желать лучшаго. Но Карцовъ рвался во Францію, въ Монте-Карло, Ниццу и Каннъ, гдѣ самый говоръ напоминалъ ему Парижъ, гдѣ онъ рассчитывалъ встрѣтить друзей и знакомыхъ. Всякая подобная экскурсія вызывала ухудшеніе болѣзни. Особенно пагубно на него дѣйствовала томительная остановка въ Вентимильѣ, гдѣ происходитъ таможенный досмотръ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не слушаясь совѣтовъ врачей, Карцовъ покинулъ Онелию и переселился въ Cap St. Martin, по сосѣдству Ментоны. На девятый день переѣзда, болѣзнь приняла роковой оборотъ. Въ ночь съ 24-го на 25-ое сентября 1907 года, послѣ мучительныхъ страданій, его не стало.

Тѣло его было перевезено и похоронено въ Парижѣ, любимомъ его городѣ, на кладбищѣ Père Lachaise. Согласно волѣ покойнаго, выраженной въ завѣщаніи, при погребеніи, не было ни слѣдовавшихъ ему, какъ кавалеру Почетнаго Легіона, военныхъ почестей, ни вѣнковъ. Французскія власти и русская колонія выказали много теплаго чувства и, присутствовавшимъ на похоронахъ, вдовѣ и сыну усопшаго выразили симпатіи и соболазнованія. Въ печати русской и французской появились многочисленные некрологи. Въ немногихъ, но точныхъ словахъ, „Temps“, серьезнѣйшая во Франціи газета, воздала покойному хвалу: „Ses nombreux amis en France garderont un profond souvenir au plus parisien des consuls étrangers. De son côté, la colonie russe n'oubliera pas l'excellent homme, dont la porte était toujours ouverte à tous ceux qui recherchaient ses conseils et son appui“. Temps, 21 Oct. 1907.

ГЛАВА VII.

Стратегическая зависимость нашей армии за Дунаемъ отъ Австро-Венгрии. — Необходимость блюсти конвенцію 3-го янв. 1877 г. какъ зѣницу ока. — Порадмскій проектъ перемирія. — Несоотвѣтствіе его съ основами конвенціи 3-го января 1877 г. — Князь Горчаковъ отказывается принять отвѣтственность уступки Австріи Босніи и Герцеговины. — Сборы Н. П. Игнатъева въ армию. — Впервые слышитъ онъ о существованіи конвенціи 3-го янв. 1877 года. — Соглашаясь съ доводами Н. П. Игнатъева, Государь Императоръ посылаетъ телеграмму о движеніи войскъ къ Босфору. — Въ лагерѣ наслѣдника цесаревича Н. П. Игнатъевъ узнаетъ о заключеніи перемирія. — Положеніе арміи послѣ перемирія. — Въ виду измѣнившейся обстановки слѣдовало ли Н. П. Игнатъеву заключать миръ въ С.-Стефано? — Въ крушеніи исторической задачи — кто отвѣтственъ?

Невыгодность соглашенія съ Австро-Венгріею слишкомъ была въ глаза. Австро-Венгрія предоставляла Россіи воевать, сама сохраняла свободу дѣйствій, а за нейтралитетъ подобнаго рода требовала себѣ Боснію и Герцеговину. Одну минуту у насъ хотѣли было объявить Австріи войну, однако, мысль эта была оставлена. Князь Бисмаркъ предупредилъ, что Австрія нужна Германіи въ видахъ политическаго равновѣсія, а потому нанести ей рѣшительный ударъ Германія не дозволить. Когда же турки отвергли сначала постановленія Константинопольской конференціи, а потомъ Лондонскій протоколъ, Россія оказалась передъ альтернативою: или принять австрійскія условія или не воевать совсѣмъ. Последнее было невозможно по причинѣ броженія, охватившаго русское общество и славянофильскихъ симпатій придворныхъ сферъ. Дѣлать было нечего, горькой необходимости пришлось подчиниться: 3-го января 1877 г. между Россіею и Австро-Венгріею была подписана военная конвенція. Россія попала въ положеніе изолированное и отъ доброй воли, своей

яко бы союзницы, Австро-Венгрии зависимое. За гранью Дуная наша действующая армия собою изображала, говоря словами поэта:

...тяжелый нѣкій шаръ,
На тонкомъ волоскѣ висящій.

При такихъ обстоятельствахъ, элементарное чувство самосохраненія подсказывало намъ беречь каждый пунктъ конвенціи, какъ зѣнцу око. Иначе Австрія получала не только возможность, но и нравственное право отнять у насъ свою руку и протянуть ее нашему противнику—Англіи.

Какими бы дефектами соглашеніе наше съ Австро-Венгріею ни отличалось, назначеніе свое обеспечивать тылъ нашей арміи оно выполнило безусловно. Послѣ одной изъ Плевиенскихъ битвъ, графъ Андраши зашелъ къ нашему послу Е. П. Новикову и заявилъ ему: „Profiter des embarras du prochain ne porte jamais bonheur. J'ai des observations à Vous faire, mais j'attendrai pour cela que Vous ayez plus de foin dans vos bottes“. Не пошевелила Австрія пальцемъ, и когда военное счастье намъ улыбнулось, и передъ побѣдоноснымъ російскимъ воинствомъ турецкія арміи и крѣпости стали сдаваться одна за другую.

Установилось мнѣніе, будто бы разрывъ съ Австріею послѣдовалъ, отчасти вслѣдствіе происковъ русской панславистической партіи, отчасти вслѣдствіе традиціоннаго коварства Вѣнскаго кабинета. Въ защиту послѣдней версіи выступилъ оффиціозный публицистъ министерства иностранныхъ дѣлъ С. М. Горяиновъ (Босфоръ и Дарданеллы, С.-Петербургъ, 1907 г.). Въ действительности, виновникомъ краха былъ никто иной, какъ творецъ австро-русскаго соглашенія, канцлеръ А. М. Горчаковъ.

Въ половинѣ ноября 1877 г. въ нашей главной квартирѣ, стоявшей въ Порадимѣ было приступлено къ составленію условій мира съ турками. О конвенціи 3-го января 1877 года авторы мирнаго проекта ничего не знали, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ предположеніяхъ своихъ они отъ нея значительно отклонились. Особенно рельефно противорѣчія эти обозначилась по двумъ важнымъ вопросамъ: Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи. По вопросу Босніи и Герцеговины конвенція гласила совершенно опредѣленно: „Россія предоставляетъ Императору австрійскому избрать время и способъ оккупации Босніи и Герцеговины ¹⁾“. Въ порадимскомъ проектѣ этотъ пунктъ получилъ слѣдующую ре-

¹⁾ Описаніе Рус.-тур. войны 1877—78 гг., т. II, стр. 7. Изданіе военн.-истор. комиссіи главнаго штаба.

дакцію: „Босніи и Герцеговинѣ даруется автономное управленіе съ достаточными гарантіями, при ближайшемъ участіи въ опредѣленіи ихъ сосѣдней съ ними Австро-Венгріи“. По вопросу границъ Болгаріи конвенція (ст. 3) оговаривала „недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго славянскаго или иного государства“. Порадимскій проектъ пространство будущей Болгаріи предугазывалъ: „въ предѣлахъ болгарской національности и никакъ не меньшихъ противъ тѣхъ, которые были намѣчены Константинопольскою конференціею“. Затѣмъ, порадимскій проектъ былъ отправленъ въ Бухарестъ проживавшему тамъ князю Горчакову на разсмотрѣніе.

Здѣсь позволю себѣ сдѣлать отступленіе и поставить вопросъ: была ли, въ самомъ дѣлѣ, надобность вопросы военные и сторону политическую связывать тѣснымъ узломъ? Вѣдь наше сепаратное соглашеніе съ Турціею безъ европейской санкціи, все равно обойтись не могло. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было затрогивать большія мѣста и преждевременно раскрывать карты. Не политичѣе ли поступили бы наши делегаты, если бы вопросы компетенціи европейской,—Боснію и Герцеговину, границы Болгаріи и др.,—они отложили до созыва конференціи, а тѣмъ временемъ потребовали бы отъ турокъ уступокъ характера исключительно военнаго: передачу намъ флота и крѣпостей, допущеніе русской арміи подѣ стѣны Царьграда и т. п.

Инициаторомъ австро-русскаго соглашенія былъ князь Горчаковъ. Поэтому для кого другого, а для него конвенція 3 января 1877 г. была обязательна. Получивъ порадимскій проектъ, онъ долженъ былъ съ конвенціею его свѣрить, постановленія конвенціи въ него вписать и въ такомъ исправленномъ видѣ отослать въ главную квартиру обратно. „Но князь Горчаковъ, говоритъ г. Горяиловъ, признавалъ, что уступка славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи“ ¹⁾. Внеси онъ въ порадимскія мирныя условія измѣненія въ духѣ конвенціи, сразу обнаружилось бы: Боснія и Герцеговина и есть та цѣна, за которую русское правительство купило отъ Австріи безопасность тыла нашей арміи. Признать себя виновникомъ подобной сдѣлки у князя Горчакова не хватило гражданскаго мужества. Между порадимскими условіями и конвенціею разницы словно не замѣчалъ, онъ порадимскій проектъ прецедовалъ императорамъ германскому и австрійскому на отзывъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Вѣнѣ сообщеніе князя Горчакова

¹⁾ Босфоръ и Дарданеллы, стр. 307.

произвело впечатлѣніе самое неблагоприятное. Русская политика совершала зигзагъ: отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею снова вернулась она на почву Константинопольской конференціи и европейскаго концерта. Но сослаться на Константинопольскую конференцію Россія уже потому была не въ правѣ, что конвенція съ Австро-Венгріею была заключена позже, а слѣдовательно, всему тому, что было говорено и условлено до нея, она подводила итогъ. Помѣнявшись ролями, теперь Австрія упрекала Россію въ вѣроломствѣ. Вопросы политической этики всегда болѣе или менѣе спорны. Но, ставъ на точку зрѣнія исключительно практическую и военную, нельзя не признать—минута, которую для разрыва съ Австріею выбралъ князь Горчаковъ, была самая неподходящая. Наша армія на плечахъ непріятеля переваливала черезъ Балканы. На морѣ господствовалъ турецкій флотъ, а къ нему во всякое время могла подплыть и присоединиться англійская эскадра. На алтарѣ какого-то фантастическаго общественнаго мнѣнія съ легкимъ сердцемъ старый канцлеръ принесъ въ жертву и безопасность сообщеній дѣйствующей арміи и международное положеніе Россіи. Разувѣрившись въ Россіи, Австрія начала искать сближенія съ Англіею.

Назначенный уполномоченнымъ для заключенія мира съ Турціею, генералъ Н. П. Игнатьевъ къ выѣзду изъ Петербурга въ армію дѣлалъ сборы. О существованіи конвенціи 3-го января 1877 года и ея двухъ главнѣйшихъ пунктовъ,—отдачи Босніи и Герцеговины въ дискреціонное распоряженіе австрійскаго императора и недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго государства,—даже не подозревая, онъ былъ всецѣло поглощенъ работою, разумѣется, въ духъ началъ Константинопольской конференціи, прелиминаріевъ С.-Стефанскаго мира. Раскрыть ему глаза и предостеречь его князь Горчаковъ не только не считалъ нужнымъ, наоборотъ, въ этомъ направленіи онъ его поощрялъ. На одномъ изъ засѣданій, при видѣ работы генерала Игнатьева, кропотливой, испещренной турецкими и болгарскими названіями, онъ воскликнулъ: „*mais c'est un travail de bénédiction*“. Впослѣдствіи, когда С.-Стефанскій трактатъ былъ обнародованъ и вызвалъ протесты державъ, это не помѣшало ему утверждать: С.-Стефанскій договоръ есть личное дѣло генерала Игнатьева, и для него явился сюрпризомъ. „*J'ai haussé les épaules*“, по петербургскимъ гостинимъ рассказывалъ старый князь.

Сколько времени продолжалась бы странная мистификація—это неизвѣстно, но тайну конвенціи генералъ Игнатьевъ узналъ совершенно случайно изъ бѣглой фразы генерала Н. Н. Обручева: „А мы въ Вѣнѣ по вопросу болгарскихъ границъ руководствовались

вашиими желаніями“, проговорился генераль Обручевъ. Страшно пораженный, Н. П. Игнатьевъ бросился къ Государю Императору, который, въ свою очередь, потребовалъ объясненія отъ Горчакова. „Andrassy, доложилъ канцлеръ, а exigé de Novikow sa parole d'honneur que le Général Ignatieff ne saura rien de la convention“.

Въ это самое время на жгучую тему—заключать ли съ турками перемиріе или продолжать движеніе на Константинополь, между Государемъ Императоромъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ происходилъ оживленный обмѣнъ телеграммъ. Генераль Н. П. Игнатьевъ горячо доказывалъ необходимость занять позицію на среднемъ Босфорѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ фарватеръ проходить вплотную у берега. Чувствуя себя связаннымъ словомъ, даннымъ Англіи—что онъ Константинополя не возьметъ, Императоръ Александръ II не соглашался. „Но въ городъ мы и не войдемъ, возражалъ Н. П. Игнатьевъ, мы расположимся у его стѣнъ, а, затѣмъ, европейскія державы попросимъ пожаловать въ Одессу на конгрессъ. Одесса центръ культурный, куда пріѣхать князю Горчакову, во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ легко и удобно“. Послѣ нѣкотораго колебанія, Государь уступилъ. Была составлена и отправлена великому князю телеграмма—идти впередъ и занять позицію на Босфорѣ.

Въ упованіяхъ самыхъ радужныхъ покидалъ Петербургъ Н. П. Игнатьевъ. Едва за Дунаемъ, одно за другимъ, его постигли разочарованія. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Рушукскій отрядъ, въ главную квартиру наслѣдника цесаревича. Тутъ, какъ громомъ, его ошеломило извѣстіе—перемиріе подписано и военныя дѣйствія приостановлены.—Я хотѣлъ брать Шумлу, сказалъ ему государь наслѣдникъ цесаревичъ, а великій князь взялъ да и заключилъ перемиріе.—Встревоженный, возмущенный, Н. П. Игнатьевъ поспѣшилъ далѣе. Настигнувъ главнокомандующаго, онъ приступилъ къ нему съ вопросомъ:—Ваше Императорское Высочество, а телеграмма Государя Императора?—Главномкомандующій уклонился отъ полнаго отвѣта. Въ это время военно-телеграфическими сообщеніями завѣдывалъ генераль Чингизъ, товарищъ Н. П. Игнатьева по Пажескому корпусу. Тебя казнить слѣдуетъ, накинулся на него Н. П. Игнатьевъ. Ты мусульманинъ, а потому ты отъ главнокомандующаго утаилъ Высочайшую телеграмму, въ которой повелѣвалось идти на Константинополь.—Помилуй Богъ, взмолился Чингизъ. Да эту телеграмму я собственными руками передалъ великому князю.—Теперь зная въ чемъ дѣло, Н. П. Игнатьевъ возвратился къ великому князю.—Ну, да, отвѣтилъ великій князь, телеграмму я получилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Турки наши условія приняли, а я далъ

слово, что какъ только они наши условія примутъ, я заключу перемиріе.

Еще наканунѣ столь грозное, на слѣдующій же день подписанія и обнародованія перемирія 19-го янв. 1878 г., положеніе русской арміи вдругъ сдѣлалось безвыходнымъ. До самой послѣдней минуты Турція уповала на милость побѣдителя и, чтобы ее заслужить, готова была на всякія жертвы. Но, въ виду непреклонности, проявленной въ вопросѣ болгарской независимости русскими делегатами, она передалась Англіи. Недоразумѣнія съ Австро-Венгріею, хотя и начались ранѣе, но дотолѣ они тлѣлись незамѣтнымъ огнемъ. Когда же Россія о своихъ намѣреніяхъ относительно Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи, объявила всенародно, Австрія, въ отвѣтъ, приступила къ мобилизаціи. Что Румынія станетъ на сторону Австріи, а не Россіи, въ этомъ сомнѣніи не могло быть ни малѣйшаго. Послѣ акта 19-го янв. 1878 г. ровно черезъ двѣ недѣли, англійская эскадра вошла въ Мраморное море и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ.

Общая обстановка нашей арміи, стратегическая и политическая, съ положеніемъ Наполеоновскихъ войскъ въ Испаніи представляла нѣкоторое сходство. Въ обоихъ случаяхъ, главенство на морѣ безспорно принадлежало Англіи. Какъ и французамъ, спереди и фланговъ намъ угрожали англійскій флотъ и возможность десанта. Но передъ нами французы имѣли важное преимущество: ихъ коммуникація шла прямымъ путемъ, по направленію родной Франціи. Между тѣмъ, у насъ позади находились рѣка Дунай и двѣ непріязненныя державы: Австро-Венгрія и Румынія желѣзнымъ кольцомъ, охватывали вражескія силы побѣдоносную русскую армію. При такихъ обстоятельствахъ, о продолженіи войны нечего было и думать. Оставалось дипломатіи постѣпшить на выручку, дабы, наготу фактической капитуляціи прикрывая цвѣтами риторики, изъ плодовъ побѣды спасти—что только возможно.

Въ сомнѣ европейскихъ государствъ единственная держава, которая въ извѣстной мѣрѣ къ Россіи благоволила, была Германія. Съ Россіею она была связана и узами вѣковой дружбы и признательностью за доброжелательство Россіи въ тяжелые моменты борьбы за германское объединеніе. Къ сожалѣнію, съ княземъ Бисмаркомъ князь Горчаковъ не ладилъ и обязываться ему не хотѣлъ. На запросы князя Бисмарка, прямые и косвенные,—на какихъ условіяхъ предполагала бы Россія заключить миръ, — князь Горчаковъ отвѣчалъ неизмѣнно: „Je n'ai pas besoin de Bismarck pour faire la paix“. Послѣ того, становится понятнымъ—почему князь Бисмаркъ отошелъ въ сторону и занялъ позицію наблюдательную. Свое участіе

онъ ограничилъ тѣмъ, что петербургскому кабинету изъявилъ готовность помочь Россіи подвести итоги и положеніе ликвидировать, но выступать въ роли заступника Россіи, когда его о томъ Россія и не просила, онъ счелъ со своимъ достоинствомъ несогласнымъ и совершенно излишнимъ.

Создавая С.-Стефанскую Болгарію, Россія, очевидно, предполагала для дальнѣйшихъ своихъ видовъ въ Болгарахъ найти послушное орудіе. Не ошибалась ли она въ подобныхъ расчетахъ? Вѣдь съ Эгейскаго моря въ Болгарію потянуло бы англійскимъ вѣтромъ, а не русскимъ. С.-Стефанскій договоръ, однако, осуществленъ не былъ, поэтому и всѣ споры о его достоинствахъ и недостаткахъ являются занятіемъ довольно празднымъ. Самое названіе „прелиминарный договоръ“ уже показываетъ, что русское правительство окончательнаго значенія договору не придавало, а, напротивъ, оно намѣревалось подвергнуть его пересмотру державъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было, вообще, заключать договоръ? Задачу пріостановить военныя дѣйствія и заручиться согласіемъ Турціи на мирныя условія Россіи въ достаточной степени выполнило перемиріе 19-го янв. 1878 г. Смыслъ С.-Стефанскаго договора могъ быть только одинъ: дать болгарамъ доказательство доброй воли Россіи и отвѣтственность за неисполненіе ихъ желаній свалить на Европу. Въ доброй волѣ, по отношенію къ нимъ, Россіи болгары ни минуты не сомнѣвались. Сознаніе жертвъ, ради нихъ принесенныхъ Россіею, не помѣшало имъ, нѣсколько лѣтъ спустя, обратиться къ Англіи и, при ея содѣйствіи, совершить соединеніе княжества съ Восточною Румеліею.

Краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ генералъ Н. П. Игнатьевъ великому князю главнокомандующему невыгодность стоянки у Мраморнаго моря и необходимость армію передвинуть и расположить на Босфорѣ. Въ томъ же духѣ изъ Петербурга на великаго князя производилось давленіе. Въ главной квартирѣ совѣщаніе слѣдовало за совѣщаніемъ. При всемъ желаніи специалисты военно-морского дѣла не рѣшались признать возможность помѣшать англійской эскадрѣ прорваться черезъ Босфоръ и вступить въ Черное море. Двухнедѣльный срокъ, — отъ 19-го января и до 2-го февраля, — это и былъ золотой промежутокъ, улыбка судьбы, благоприятный случай, въ жизни народовъ не повторяющійся, которымъ, увы, мы не воспользовались. Одобряемые близостью англійскаго флота, турки поспѣшно воздвигали укрѣпленія, собирали и стягивали войска. Овладѣть Босфоромъ для насъ, съ каждымъ днемъ, становилось труднѣе.

Положеніе, которое на берегахъ Мраморнаго моря заняла наша

армія, отчасти представляеть аналогію съ положеніемъ прусскихъ войскъ въ 1866 году, при Никольсбургѣ. Угрозы Франція Пруссіи тогда не дѣлала. Черезъ посла своего Бенедетти, Императоръ Наполеонъ III ограничился заявленіемъ, что расширение прусской территоріи Франція допуститъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но и такого предостереженія, по формѣ столь мягкаго, Бисмарку было достаточно. Немедленно потребовалъ онъ прекращенія войны, а, когда король Вильгельмъ и весь генералитетъ этому воспротивились, онъ подалъ въ отставку и, въ концѣ концовъ, поставилъ на своемъ.

Послѣ выѣзда изъ Петербурга генерала Н. П. Игнатьева, событія чередовались съ головокружительною быстротою: 19-го января было подписано перемиріе, и военные дѣйствія были приостановлены, Австрія мобилизовала войска, въ Мраморномъ морѣ появилась англійская эскадра. Путемъ заключенія еще разъ съ Турціею договора, можно ли было надѣяться улучшить наше положеніе или, наоборотъ, пришло время ударить отбой, поспѣшить и, при томъ, какъ можно скорѣе, созывомъ европейской конференціи? Независимо соображеній политическихъ, генералу Игнатьеву не мѣшало подумать и о себѣ лично. То обстоятельство, что конвенцію 3-го янв. 1877 г., въ угоду Андраши, отъ него скрывали, свидѣлствуетъ о недовѣріи, съ какимъ въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ къ нему относились. Не въ однихъ иностранныхъ коллегяхъ генераль Игнатьевъ имѣлъ передъ собою враговъ, но и собственное его начальство только и ждало отъ него невѣрнаго шага, чтобы выставить его козломъ отпущенія и виновникомъ всѣхъ неудачъ. И, тѣмъ не менѣе, генераль Н. П. Игнатьевъ во-время не спохватился и 19-го февр. 1878 г. въ С.-Стефано съ Турціею подписалъ договоръ. Что же подвигнуло его поставить свое имя подъ актомъ, который, въ лучшемъ случаѣ, являлся ударомъ хлыста по воздуху? Тутъ, во всемъ объемѣ, сказалось пагубное вліяніе слишкомъ продолжительнаго пребыванія Н. П. Игнатьева въ Константинополѣ. Дѣло освобожденія турецкихъ христіанъ, на поприщѣ котораго онъ съ такимъ успѣхомъ подвизался, онъ считалъ своимъ собственнымъ. Волною событій поднятый на необычайную высоту, онъ поддавался оптическому обману и продолжалъ вѣрить въ свою звѣзду и свои силы, когда въ дѣйствительности, изъ-подъ ногъ его давно ушла почва. Однимъ почеркомъ пера уничтожилъ онъ плоды своей долготѣи и блестящей дипломатической карьеры а затѣмъ,—чего собственно его противники и добивались,—онъ съ арены виѣшней политики сошелъ навсегда.

Императоръ Александръ II объявилъ войну Турціи подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вопреки собственному убѣ-

жденію. Собираясь нанести ударъ Турціи, его преимущественно озабочивало — какъ бы ударъ этотъ по своей стремительности не отозвался въ Европѣ и не повлекъ за собою другую войну — европейскую. Отсюда въ самой концепціи войны — роковое раздвоеніе, которое и парализовало заключительное ея дѣйствіе. Въ тѣ времена, между военачальниками находились люди популярныя, съ громкими именами: фельдмаршалъ А. И. Барятинскій, генералъ Д. А. Милютинъ, наконецъ, наслѣдникъ престола, Великій Князь Александръ Александровичъ, который, безъ сомнѣнія, пригласилъ бы къ себѣ въ начальники штаба кого-нибудь изъ видныхъ дѣятелей ¹⁾. Но государь Императоръ далъ слово Англіи — что Константинополя онъ не возьметъ — и опасался, тѣмъ болѣе съ появленіемъ національнаго вождя, чтобы событія не осложнились и не зашли слишкомъ далеко. Главнокомандующими онъ назначилъ своихъ двухъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, въ той увѣренности, что въ рѣшительную минуту выше помысловъ личной славы они поставятъ безусловное повиновеніе Монарху. Не оттого ли и составъ штаба дѣйствующей арміи вышелъ инородческій: во главѣ его очутились два поляка, генералы Непокойчицкій и Левицкій? Вдругъ событія получили оборотъ, при которомъ приближеніе арміи къ столицѣ Оттоманской Имперіи сдѣлалось чисто военною, стратегическою необходимостью. Передъ Императоромъ Александромъ II была тяжелая дилемма: либо преждевременно остановить наступленіе, либо нарушить слово, данное Англіи. Поэтому, государь могъ думать, что движеніе впередъ послѣдуетъ независимо его воли, какъ естественное развитіе военныхъ дѣйствій, и въ этомъ смыслѣ своему брату главнокомандующему онъ посылалъ указанія. Но читать между строками петербургскихъ инструкцій, противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ, великій князь Николай Николаевичъ не могъ и настойчиво требовалъ категорическаго отвѣта, а, когда этотъ отвѣтъ пришелъ, на бѣду было уже поздно. Отъ начальниковъ передовыхъ частей приходили донесенія о крайнемъ переутомленіи войскъ. Дипломатическою канцеляріею дѣйствующей арміи завѣдывалъ извѣстный дипломатъ, сподвижникъ ген. Н. П. Игнатьева, А. И. Нелидовъ. Къ сожалѣнію, А. И. Нелидовъ на должной высотѣ не оказался и, въ виду ожидавшагося, со дня на день, прибытія Н. П. Игнатьева съ полномочіями, онъ не устоялъ противъ соблазна на историческомъ доку-

¹⁾ Въ Порадимѣ генералъ Н. П. Игнатьевъ совѣтовалъ государю командованіе арміею принять на себя, Д. А. Милютину назначить нач. штаба, а ген. Н. Н. Обручева ген.-квартирмейстеромъ.

ментъ начертать свою фамилію. Свою миссію великій князь Николай Николаевичъ выполнилъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Въ крушеніи исторической задачи слѣдуетъ поставить отвѣтственнымъ поэтому не его. Причиною этого является избытокъ осторожности и нерѣшительность Императора Александра II; а еще болѣе виноваты тѣ царедворцы, которые, не любя Россіи и повинувшись внушеніямъ зависти, людямъ патріотическаго направленія и дѣятельнымъ сознательно помѣшали выдвинуться и занять первое мѣсто.

Ю. С. Карцовъ.

